

Колдовские миры

КИРА
ИЗМАЙЛОВА

Тайна третьей невесты

Колдовские миры

Кира Измайлова

Тайна третьей невесты

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Измайлова К. А.

Тайна третьей невесты / К. А. Измайлова — «Эксмо»,
2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-099010-8

Слушайте, все знатные девушки королевства, и не говорите потом, что не слышали! Грядет Королевское Испытание, победительница которого станет супругой его величества! Торопитесь в замок Старой Птицы, чтобы показать себя и посмотреть на других! Не правда ли, звучит как в сказке? Вот только замок – совсем не сказочный, старый, неуютный, со сквозняками. И служанка одна на шестерых гостей. А уж само Испытание... кто только выдумал такие задания, какой изувер? И вообще творится что-то непонятное, правда, на это обращают внимание далеко не все... до поры до времени. Призраки бродят ночами по коридорам замка. И он живет собственной жизнью, не очень-то считаясь с желаниями обитателей. Впрочем, обо всем по порядку. Ведь первые гости уже спешат в замок...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099010-8

© Измайлова К. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кира Алиевна Измайлова

Тайна третьей невесты

© Измайлова К.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

Серая громада замка выростала перед нами с мрачной неотвратимостью. От нее веяло унынием: казалось, и без того тусклое осеннее солнце совсем померкло, едва вдали завиднелись старинные башни, тени стали длиннее, а воздух – холоднее. Над широкой аллеей смыкали кроны столетние деревья. Должно быть, здесь очень красиво весной, когда все в цвету, а летом – восхитительно прохладно, но сейчас наша карета будто бы въехала на старое-престарое кладбище, если не прямиком в древний склеп. Голые ветви тянулись к небу, словно скрюченные пальцы оживших мертвецов, угрожающе гудели под порывами ветра, царапали крышу и борта кареты – кое-где деревья наклонились совсем низко и будто старались схватить нас, не пропустить вперед...

Но, конечно же, виной всему было мое воображение. Я прекрасно понимала, что на дворе белый (вернее, серый) день, ветер и холод имеют вовсе не потустороннее происхождение – поздней осенью в этих краях почти всегда стоит такая погода... Ну а мрачная громадина впереди – не заброшенные развалины, где нас с кузинами бросят на съедение каким-нибудь чудовищам, а старый королевский замок, куда мы приглашены, как и десятки других девиц, на смотрины.

– Подумать только, почти полгода в таком унылом месте... – словно прочла мои мысли Делла, старшая кузина.

– Не страдай так, – сказала ей младшая, Лисса, – вдруг тебя отправят домой намного раньше?

Я подумала, что не стала бы переживать по этому поводу. В конце концов, знатных девушек на выданье в королевстве пруд пруди, а король один. И к тому же...

– Неужели вы думаете, что он действительно выберет одну из нас?

– Из нас – точно не выберет, – тут же ответила Лисса, самая злоязыкая из нас троих. – Родом не вышли.

– Тесса, мы прекрасно понимаем, что это просто обычай, – примирительным тоном добавила Делла. – Наверняка у него уже есть невеста, просто объявят об этом после положенных испытаний. Обычай есть обычай, даже король вынужден его соблюдать. Однако...

– Однако не забывай, – очень похоже скопировала Лисса свою матушку, – что на время этих самых испытаний в замок съедется множество молодых дворян, а потому не упusti свой шанс!

– Да кто позволит нам хоть словом перемолвиться с теми молодыми дворянами, – пробормотала я и поплотнее закуталась в плащ.

Воображение воображением, но я не чураюсь фактов, а потому постаралась побольше разузнать о том, как проходят испытания. К сожалению, о самом процессе выбора лучших из лучших, достойных стать королевой, говорилось очень мало и крайне смутно. Но о том, как содержат претенденток на руку короля, сказано было достаточно, и я говорила об этом кузинам!

– Неужели ты считаешь, что теперь все по-прежнему настолько же строго, как было в стародавние времена? – вспомнила мои слова Делла.

«Если сейчас не строго, тогда что было прежде?» – подумала я, а вслух ответила:

– Что толку гадать? Увидим...

Замок был уже совсем близко. Вскоре конские копыта застучали звонче, карета затряслась на камнях – мы въехали на просторный двор, а потом остановились.

Здесь оказалось пусто. То ли мы явились одними из первых, то ли, наоборот, припоздали, но никакой суеты не наблюдалось. На наших глазах отбыла одна карета – я не успела рассмотреть гербы на дверцах, – и только.

– Знаешь... – тихо прошептала Лисса, когда слуга помог ей выбраться из кареты. – Больше всего это похоже на тюрьму...

– Надеюсь, спать мы будем не на соломе? – фыркнула Делла, но уверенности в ее голосе поубавилось.

Пока мы ежились на ветру и озирались по сторонам, молчаливые слуги в ливреях цветов королевского дома забрали наш багаж – его было совсем немного, привезти с собой позволялось только самое необходимое. Распорядитель с незапоминающимся лицом, похожим на лики статуй по бокам ворот, истершиеся от времени, дождя и ветров до полной неузнаваемости, пригласил нас пройти внутрь, и мы последовали за ним, невольно стараясь держаться поближе друг к другу.

Оглянувшись, я увидела, как карета исчезает за углом. Должно быть, лошадям дадут отдохнуть, а потом отправят в обратный путь. Кормить и чистить их придется на ближайшем постоялом дворе, до которого наши сопровождающие доберутся разве что к вечеру... Что поделаться: его величество готов содержать кандидаток в невесты, но не их прислугу и тем более животных!

– Ваши бумаги, сударыни, – негромкий голос распорядителя отвлек меня от размышлений о том, каково будет обходиться без помощи привычных горничных и прочих слуг.

Может быть, у нас будет всего одна служанка и даже одеваться придется самим? Мы с Лиссой справимся, это точно, и Делла тоже, но будет крайне недовольна!

– Прошу, – старшая кузина первой протянула ему конверт с печатью. Мы последовали ее примеру.

Распорядитель внимательно изучил печати, затем содержимое конвертов... Время от времени он взглядывал на нас, словно сличал присланное описание с тем, что видел перед собой. А может, еще и с теми сведениями, что получил раньше.

«Какая же у него должна быть память!» – невольно поразила я. Запомнить всех прибывающих девиц и их имена, а потом держать в голове, кто это, откуда, где их разместили, какие у них причуды и капризы... Впрочем, может быть, он записывает?

Я оказалась права: распорядитель открыл пухлую книжищу примерно на середине, тщательно вписал в нее наши имена (и, по-моему, особые приметы), затем проставил на сопроводительных письмах номера и подшил в отдельную папку.

«Мы явно приехали не первыми», – подумала я, а распорядитель дернул за шнур, и на пороге явилась средних лет женщина в опрятном коричневом платье и накрахмаленном переднике цвета топленого молока.

– Прошу за мной, сударыни, – негромко произнесла она, едва обозначив поклон.

Я ей посочувствовала: кланяться каждой прибывшей – спина переломится. Неужели она в одиночку занимается гостями? Нет, быть такого не может...

– Каков грубиян, – шипела по пути Делла. – Даже не предложил дамам присесть!

– Ты не насиделась в карете? – кротко спросила Лисса и взглянула на меня в поисках поддержки, но я ничего не сказала: слишком интересно было смотреть по сторонам.

Чувствовалось, что в этом замке давно никто не живет (разве что останавливается на ночь по дороге в столицу), и только слуги поддерживают его в порядке. Они старались на славу: ни следов запустения, ни паутины по углам я не заметила, однако воздух был затхлым и сырым – если долго держать ставни закрытыми, такую громадину не проветришь и не протопишь за день-другой. Хотя ведь о смотрах стало известно почти полгода назад, так почему замок не начали готовить заранее? Кто разберет... Говорят, король знает счет деньгам, так зачем же он станет швырять их в буквальном смысле на ветер – на дрова, которые уйдут дымом через печные трубы? Надеюсь, хотя бы в комнатах натоплено, а в коридоры выходить необязательно...

Прислуги, вопреки моим опасениям, здесь оказалось достаточно: по лестницам и коридорам сновали горничные в таких же коричневых платьях с фартуками, как у нашей провожа-

той, а еще в темно-серых – наверно, уборщицы, я видела, как одна тащила бадью с грязной водой.

– Вот ваши покои, сударыни, – сказала женщина, и обнаружившаяся у входа служанка помоложе услужливо распахнула дверь. – Это – Ина, ваша горничная. Она объяснит вам все, а мне пора – прибыла следующая гостья.

В самом деле, можно было расслышать едва различимый серебряный перезвон.

– Добро пожаловать, сударыни, – произнесла Ина, и мы повернулись к ней. – Прошу, проходите. Ваш багаж уже доставлен, и...

– Мой сундук открыт! – возмущенно воскликнула Делла.

– Мой тоже, – увидела Лисса. – И вещи... Вещи лежат не так! Как прикажете это понимать?

– Таков порядок, сударыни, – невозмутимо ответила Ина. Она чем-то напоминала змейку: худая, гибкая, с маленькой головкой на длинной шее, гладко причесанными темными волосами, блестящими внимательными глазами. – В приглашении сказано, что гостям его величества не нужно брать с собой ничего сверх необходимого, но у знатных девушек свои понятия о необходимом, не правда ли? Если вы заметите, что каких-либо вещей недостает, то взгляните – на крышке сундука изнутри должна быть записка с перечнем изъятых и печатью господина распорядителя. Все это вернут вам при отбытии. Прошу, проверьте!

– Интересное дело! – проворчала Делла. Очевидно, не досчиталась каких-то нарядов. А ведь в приглашении действительно говорилось о том, что это не потребуется, равно как и драгоценности. – Что у вас, девочки?

– У меня... так, мелочи, – ответила Лисса, явно не желая вслух оглашать список этих мелочей. Мне с моего места виден был только листок с довольно длинным перечнем, а вот прочитать убористый почерк я не могла – в комнате оказалось темновато.

– У меня тоже, – кивнула я, даже не пытаясь перерывать сундук.

В бумажке на его крышке значилось несколько позиций: я тоже рискнула захватить немного симпатичных вещиц. Что ж, без них я вполне могу обойтись. Самое главное не тронули, и на том спасибо!

– С вашего позволения, сударыни, – произнесла Ина, удовлетворившись нашей реакцией, – я сниму с вас мерки и через некоторое время принесу одежду. Возможно, придется подогнать по фигуре, но я сделаю это насколько возможно быстро! Отдохните пока с дороги. Вы, должно быть, голодны? Тогда я немедленно пришлю вам горячее питье и завтрак!

– Время уже к обеду, – проворчала Лисса, но смирилась.

– Да, будьте так любезны, – высокомерно произнесла Делла. – А также извольте объяснить, как вызвать вас, если вы понадобится?

– Вот шнур звонка, сударыня, – показала Ина. – Однако не сердитесь, если я задержусь: я обслуживаю еще шестерых благородных девиц, поэтому могу не сразу отозваться. Прошу, проявите терпение...

– Чувствую, нам придется очень сильно развить в себе эту добродетель, – пробормотала Делла, когда Ина испарилась. – Вот так покои для королевских невест! Интересно, что здесь располагалось прежде? Казарма?

– Скажи спасибо, что здесь тепло, – ответила неунывающая Лисса, а я внимательнее огляделась по сторонам.

Узкое окошко в торце комнаты сейчас было закрыто, но светильники горели достаточно ярко, и я смогла рассмотреть обстановку. В нашем обиталище оказалось шесть кроватей – довольно узких, безо всяких балдахинов и перин, они были застланы не самым тонким льняным бельем и грубыми шерстяными одеялами, совсем новыми, насколько я могла судить.

– Это мало похоже на королевский дворец! – посетовала Лисса, сев на кровать и обнаружив, что та жестка, как доски, из которых сколочена.

– Ты ведь еще не королева, – не удержалась я, – и даже не королевская невеста. Представь, сколько бы пришлось потратить его величеству, чтобы каждую претендентку, даже захудалую, устроить со всеми удобствами!

– Так-то оно так, – рассудительно ответила Делла, – но как же обходятся с самыми знатными? Неужели тоже селят в тесную спальню на несколько человек и заставляют обходиться одной горничной на полдюжины девиц?

– Ты полагаешь, принцессы и иностранки подчиняются общим правилам?

– Сомневаюсь... – пробормотала она. – Хотя всего можно ожидать!

– И вообще, если бы мы привезли с собой побольше вещей, тут стало бы намного уютнее, – добавила Лисса, а я не стала спорить и говорить, что лишнее все равно бы изъяли.

Младшей кузине только волю дай – она захватит весь свой немаленький гардероб, а потом скажет, что он безнадежно вышел из моды за время пути, и ей срочно нужно пошить новые наряды! Я сама люблю красивую одежду, но можно ведь и потерпеть, верно? Тем более ради такого дела...

Мы сняли теплые плащи и дорожные шляпки – здесь и впрямь было достаточно тепло.

– Интересно, а как насчет ванны? – снова озвучила мои мысли Делла. – После такой ужасной дороги нет ничего лучше...

– Разумеется, сударыня, – ответила неслышно вошедшая с ворохом одежды Ина. – Скоро все будет готово, а потом займемся примеркой.

– Что, нам придется надеть вот это? – с непередаваемым выражением произнесла Тесса, приподняв рукав платья. – Но... почему?!

– Все девушки должны быть одеты одинаково, таков обычай, сударыня, – пояснила служанка. – Не беспокойтесь, платья чистые... а некоторые вовсе не ношенные.

– Это утешает, конечно, – пробормотала Делла. – Но фасон! Этот фасон вышел из моды... о, я даже не знаю!..

– Лет четыреста назад, если не больше, – сказала Лисса, знаток истории моды. – Может, даже все пятьсот. Он ужасен. Просто ужасен. В этом я буду похожа на... на..

– Свою прапрабабушку с портрета? – подсказала я.

– Хуже!

– Вспомни, как мы нашли в сундуках старинные платья, наряжались и представляли, будто попали в далекое прошлое, – предложила я. – Было очень весело!

– Вот именно потому, что я помню, как нелепо и смешно выглядела в той кошмарной одежде, я и не хочу надевать вот это! – фыркнула она и тут же сникла. – Но придется... К слову, Ина, почему платья разных цветов?

– Потому что, сударыня, это единственное послабление в правилах, – ответила служанка, раскладывая одежду на пустых кроватях. – Фасон должен быть один, но, согласитесь, вам и госпоже Делле, с вашими темными волосами, пойдет винно-красный, но вашу кузину он уничтожит!

– Да, действительно, – согласилась Лисса, взглянув на меня. – Хоть на этом спасибо. У нее и так нет ни единого шанса, но в зеленом она хотя бы будет выглядеть более-менее приятно...

– Можно подумать, ты первая в списке его величества! – огрызнулась я, но не могла не признать, что Ина права: с рыжими волосами не очень-то смотрится красное.

Вернее, можно подобрать оттенок, но для этого нужно потрудиться. Вряд ли здешним служанкам до таких мелочей! А темный, травянисто-зеленый тон мне и в самом деле пойдет, изумрудный был бы хуже. И на том спасибо!

Опущу, пожалуй, подробности нашего купания. Оно прошло быстро (Делла вновь осталась недовольна – она любила понежиться в горячей воде, но увя ей!), неудобно и даже, пожалуй, немного унижительно. Две крепкие служанки в сером, словно сомневаясь в нашей способности выкупаться самостоятельно, в мгновение ока отдраили каждую из нас жесткой мочалкой,

как следует вымыли нам волосы, окатили напоследок из бадьи и растерли полотенцами, тоже очень жесткими, кожа после них так и горела.

А вот после так называемой ванны я оценила удобство старомодных одеяний: ни многослойных пышных юбок, ни корсетов в них не предполагалось, не нужно было тратить время на бесчисленные шнуровки, крючки и пуговицы... В таком простом наряде, под которым было всего лишь белье да тонкое нижнее платье, я чувствовала себя почти раздетой. Так и тянуло закутаться в плащ, и вовсе не от холода!

Однако я не могла не оценить идею: обычай обычаем, но ведь не помешает взглянуть на кандидатку в невесты без прикрас. Я имею в виду: без косметики, шиньонов, средств для укладки прически, а еще без всех тех ухищрений, что позволяют сделать талию тоньше, а грудь – больше и выше.

Нам с кузинами еще повезло: все мы были самого обычного сложения, не страдали ни чрезмерной полнотой, ни худобой, но я знавала женщин, утягивавших стан настолько, что едва могли дышать, не говоря уж о том, чтобы сделать хотя бы глоток воды!

– Спасибо, обувь оставили, – буркнула Лисса, когда Ина закончила подгонять платья по нашим фигурам и испарилась, сообщив, что ужин уже скоро.

– Не думаю, чтобы тебе понравилось ковылять в туфлях по моде многовековой давности, – усмехнулась Делла, рассматривая себя в карманное зеркальце. – Тем более таких, которые до тебя уже кто-то носил!

– Если не ошибаюсь, тогда дамы предпочитали обувь на очень высокой платформе, – вставила я, – чтобы не замарать подол нечистотами, которые текли по улицам, потому что канализацию еще не изобрели.

– Тесса... – Старшая кузина посмотрела на меня с укоризной. – Ну зачем же говорить о подобном перед ужином!

– Вы первые начали, – пожалала я плечами.

Немодное платье мало меня волновало: раз надо так одеться, значит, надо. Отсылая меня сюда, отец от моего имени согласился со всеми здешними порядками и установлениями, а значит, я не имею права отступать от них. С другой стороны, его величество гарантировал всем девушкам защиту и неприкосновенность, и, увидев, как все устроено в этой части замка, я усомнилась в том, что мы сможем увидеть каких-то мужчин, кроме слуг, иначе как на смотринах. Правда, когда я сказала об этом, кузины подняли меня на смех.

– Не говори глупостей, – заявила Делла. – Вот увидишь, когда все съедутся, а Испытание начнется, станет намного веселее!

– Брр, как бы до того момента не сойти с ума от скуки! – содрогнулась Лисса. – Это что же, нам придется сидеть взаперти?

– Ина сказала, что гулять по коридорам можно, – напомнила я. – И общаться с другими девушками – тоже.

– С ума можно сойти, до чего интересное занятие...

– Но это действительно интересно, – осадила сестру Делла. – Мы даже не знаем, кто живет с нами по соседству! Но кто бы там ни был, нужно вести себя прилично и достойно.

– По одежде теперь не угадаешь, принцесса или совсем захудалая дворянка, – добавила я. – Придется присматриваться к манерам, к обхождению... И это может быть полезно. Иногда такие случайные знакомства приводят к самым неожиданным последствиям. Вдруг у знатной девушки есть брат, и вы сможете увидеться? А потом...

– Довольно фантазий, – попросила Делла. – Ты права, Тесса, но не забывай – и у стен есть уши. У этих – особенно, а потому не болтай понапрасну.

Я умолкла, потому что осознала – и впрямь наговорила лишнего. В том, что кто-то непременно станет подслушивать, я даже не сомневалась: иначе зачем селить нас вместе? Уж точно не из-за недостатка места! Наверняка надеялись на то, что девушки станут изливаться друг другу

свои чаяния и помыслы, но не всякая пойдет на это с новыми знакомыми (и еще угадай, в какой момент и где именно они заговорят о подобном), а вот с родственницами и подругами – вполне вероятно... Впрочем, если бы мы с кузинами на дух друг друга не переносили, то вряд ли стали бы выбалтывать друг другу сокровенные тайны! Хотя я и так не стану делиться с Деллой и Лиссой фантазиями. К чему мне их насмешки? Еще и разболтают своей матушке, а та – моим родителям, и поди докажи, что это просто выдумки, а не что-то более серьезное...

Ужин прошел в молчании. Ина принесла нам подносы и оставила в одиночестве.

Кормили здесь сытно и довольно вкусно, но без изысков, почти как дома.

– Будто никуда не уезжали, – проронила Делла.

– Не скажи, – фыркнула Лисса, налив себе воды из кувшина, – у нас... то есть у вас, Тесса, намного уютнее. И за столом прислуживают!

– Если к каждой гостье приставить троих слуг, придется построить еще один замок, – вздохнула я, сделав вид, будто не услышала намека на положение кузин.

Их матушка, старшая сестра моего отца, рано овдовела и вынуждена была вернуться под родительский кров с обеими дочерьми: финансовые дела ее пошатнулись со смертью супруга (а вернее, до нее, поскольку он наделал долгов). На счастье, они поладили с моей матушкой, а дедушке и отцу не было особого дела до дамских отношений – лишь бы их не впутывали и не тратили денег сверх меры.

Сама я оказалась средней из троих девочек, и мы с кузинами, можно сказать, дружили, но... Я и рада была бы забыть о том, что тетя с дочерьми живут у нас на положении бедных родственников, да вот только дедушка не позволял. Ему очень не нравился зять, но бабушка убила его, что он станет хорошей партией для дочери. Увы, дедушка оказался прав и теперь не уставал напоминать об этом, казалось, получая какое-то особенное удовольствие! Не сомневаюсь, будь жива бабушка, он выговаривал бы ей за то, что посмела настоять на своем, но, увы, она скончалась более десяти лет назад, а потому жертвой стала дочь.

Внучкам доставалось меньше – даже дедушка с его старомодным воспитанием понимал, что они не виноваты в поступках родителей и тем более его собственной супруги, – однако он всегда подчеркивал различие между мной и кузинами. Я была ребенком наследника, послушно и весьма удачно женившегося по выбору родителей, а они – детьми заблудшей дочери... Даже в малолетстве мы ощущали разницу в отношении, и если бы еще матери наши враждовали, не представляю, во что вылилось бы сосуществование под одной крышей! Но, повторюсь, они нашли общий язык, и это спасало нас, хотя и не избавляло от некоторой неловкости.

Наверно, будь у меня иной нрав, я приспособилась бы командовать кузинами, и они стали бы моей свитой, но сперва я была слишком мала и старалась подружиться с ними, как велел отец, а затем поздно стало что-либо менять. Да и не хотелось, признаюсь. Пускай мы не стали закадычными подругами, других у меня не нашлось: в нашей глуши девочек моего возраста почти не было, а те немногие, чье положение сравнимо с нашим, жили слишком далеко, чтобы наносить визиты хотя бы раз в месяц. Какая же это дружба – на таком расстоянии?

Ну а с братьями тем более не сложилось близких отношений: будь они старше, может, снизошли бы до меня, но, увы, – они были несколькими годами младше и совершенно не желали общаться с девочками. Их манили совсем иные забавы (признаюсь, в некоторых я сама с удовольствием приняла бы участие), и на нас с кузинами они обращали внимание, только если натыкались на бегу или если хотелось пошалить и подсунуть нам лягушку или большого жука. Сейчас, конечно, они уже взрослые юноши и перестали безобразничать, но мы все равно существовали словно в разных мирах...

– Вы закончили, сударыня? – спросила Ина у меня над ухом, и я кивнула. Надо же так глубоко задуматься! – Позвольте вашу тарелку...

Она ушла, а мы переглянулись.

– Что ж... – протянула Делла. – Давайте умываться и ложиться спать. Если я верно запомнила правила, разбудят нас очень рано, неважно, с дороги мы или нет.

Я кивнула: Ина сообщила нам распорядок дня, и начинался этот день ни свет ни заря. Даже дедушка, когда в очередной раз решал проверить, не чересчур ли мы изнежены, приказывал будить нас не в такую рань! Завтрак, время на личные дела, обед, отдых, прогулка (где именно, Ина не сказала, но я полагала, что во внутреннем дворе), ужин, сон. Как по мне, в сутках оставалось слишком много свободных часов, но, возможно, затем что-то изменится?

Так и вышло: Ина добавила, что со временем добавятся занятия с учителями танцев и этикета – для тех, кому это необходимо (вероятно, имелись и такие претендентки), – и еще кое-что, но пока не прибыли все заявленные девушки, ничего не изменится. А сколько их ждать... Может быть, день-другой, а может, и неделю: дороги развезло, и кто-то мог попросту застрять в пути.

Кузины, позевывая, улеглись, я задула светильники и тоже нырнула под одеяло. Сон, однако, не шел: сложно уснуть, когда не можешь перестать так и сяк вертеть мысли о том, что же будет дальше...

Дома я обычно садилась у окна, а летом выходила на двор, но здесь... Окно не откроешь – в темноте я не совладаю с незнакомыми ставнями, вдобавок кузины проснутся и вполне резонно возмутятся тому, что я выстудила комнату. Во двор меня не выпустят. Но ведь по коридору ходить не запрещено, так сказала Ина?

Я встала и потихоньку оделась, порадовавшись: с таким платьем это было совсем просто! Волосы я на ночь заплела в косу, а теперь просто обернула ее вокруг головы, закрепив парой шпилек, – вполне пристойная прическа.

И, накинув на плечи шарф, я выскользнула за дверь...

Глава 2

В коридоре тихо и пустынно. Светильники на стенах горели неярко, но все же давали достаточно света для того, чтобы разглядеть окружающее. А здесь нашлось, на что посмотреть!

В стенных нишах прятались старинные доспехи и бюсты неизвестных полководцев – чтобы прочитать надписи на табличках, мне потребовалась бы свеча или способность узнавать буквы на ощупь, как делал один старый полуслепой слуга у нас дома. Кое-где висели картины. Вот их-то, в особенности портреты, я разглядывала с особенным интересом, насколько позволяло освещение. Должно быть, это не самые важные члены королевской фамилии, раз их изображения оставили в старом замке... А может, просто портреты вышли неудачными, и в новой картинной галерее висят совсем другие полотна?

Впрочем, какая разница!

Я медленно пошла вдоль стены. От времени и, наверно, от сырости и холода картины потемнели настолько, что сложно было рассмотреть одеяния изображенных людей. Только бледные надменные лица одно за другим выплывали из мрака...

Признаюсь, мне сделалось не по себе, до того сурово и холодно глядели на меня с высоты королевские предки и прочие вельможи. Огни светильников трепетали на сквозняке, и тени двигались, словно живые. Так и казалось, что вот-вот кто-нибудь пошевелится и шагнет с картины мне навстречу, а на картине останется лишь словно вырезанный ножницами силуэт, а может, и вовсе ничего, и удастся рассмотреть, что пряталось за его спиной...

Отполированные доспехи поблескивали, и порой мне чудилось, будто это светятся глаза за глухим забралом. Только отвернешься – а железный рыцарь протянет руку, возьмет за плечо и спросит глухим лязгающим голосом, что я позабыла в этом коридоре в такую пору?

Шарф соскользнул, сквозняк коснулся моей шеи, и я невольно поежилась. И замерла: впереди слышались шаги. Кто-то шел навстречу, медленно, очень медленно, и... Мне помешало или шаги сопровождал звук, похожий на металлический шелест кольчуги или даже скрежет лат?

Деваться было некуда, если только побежать назад – я отошла довольно далеко от нашей комнаты – или попытаться спрятаться за ближайшей незапертой дверью. Всегда можно сказать, что я просто заплутала в незнакомом месте! А что уж я делала ночью в коридоре – второй вопрос...

Еще я могла укрыться в нише позади доспехов (вот только наверняка зацепила бы их и уронила, подняв шум на весь замок), но... Ничего не сделала. Эти приближающиеся шаги – тяжелые, мерные – словно заворожили меня и пригвоздили к месту. Я не могла даже шелохнуться, целиком обратившись в слух и следя: вот незнакомец уже за поворотом, вот его тень легла на пол, вот она движется вперед, касается меня, и если я подниму взгляд, то увижу, кто ее отбрасывает...

Я собралась с духом – ну кого я могу здесь встретить? Может быть, ночного сторожа или того же распорядителя, который желает лично удостовериться, все ли в порядке во вверенных ему владениях! Да хоть бы и самого короля – вдруг он, как в легендах, бродит по замку ночами и заглядывает в лица будущих невест в поисках нареченной? Всем ведь известно, что именно во сне проявляется истинная суть человека, днем сокрытая броней этикета и вуалью приличий!

Но это был не король и даже не распорядитель. Передо мной стоял оживший доспех, почти такой же, возле которого я стояла и который опасалась опрокинуть неловким движением при попытке спрятаться в нише.

Все слышанные мною страшные сказки вмиг ожили: это чудовище, неупокоенный дух бродит по старому замку! А король собирает здесь девушек не только и не столько ради того, чтобы выбрать невесту, нет... Он хочет принести жертву этому духу. Быть может, не одну.

Сколько девиц не вернется домой? Родителям скажут, что их взяли в жены знатные люди, заплатят откупного, и те останутся довольны, а если попытаются увидеть дочь, что ж... Им объяснят, почему не нужно с ней встречаться. И если я не вернусь в нашу спальню, невозмутимая Ина скажет Делле и Лиссе, что я нарушила какое-то правило – ну надо же, угораздило сразу по приезде! – и меня ни свет ни заря отправили домой. Они удивятся, конечно, но вряд ли сильно огорчатся...

– Что с тобой, девушка? – спросил вдруг доспех и сделал еще шаг вперед.

Теперь на виду оказался блестящий нагрудник. Я рассмотрела выгравированный на нем герб и поспешила склониться в придворном поклоне. Даже если это дух, то нужно выказать уважение верноподданной тому, кто носит изображение вздыбленного грифона с мечом в лапе – ведь это королевский герб! Быть может, мне встретился кто-то из давно почивших предков нынешнего правителя? Ох, лучше бы я осталась в комнате...

– Ты что-то потеряла? – Он был совсем рядом со мной.

– Нет, господин, – выдавила я, не поднимая головы. Если не смотреть, то не так страшно...

Когда я была маленькой, то знала наверняка – если зажмуриться, то тебя не найдет никакое чудовище. Жаль, сейчас уже поздно было прибегать к этой уловке – незнакомец меня увидел.

– Тогда выпрямись, чтобы я мог видеть твое лицо, а не затылок, – приказал он. Голос был сиплый, словно в горле у незнакомца пересохло, и властный.

Я не посмела послушаться и встала прямо, по-прежнему глядя в пол. На желтовато-серых в отблесках светильника камнях расплывались черные пятна. Капало сверху, медленно, неотвратно – и взяться капли было неоткуда, кроме как из жил незнакомца.

«Его убили в этом коридоре, – подумала я, – и с тех пор он бродит и бродит... ищет убийцу. Да, наверняка так и есть... Но вряд ли его убила девушка, значит, мне ничего не грозит!»

И я все-таки рискнула посмотреть на неизвестного. Не в лицо, нет: он оказался очень высок, и взгляд мой упирался ему в грудь.

Все-таки на нем был не полный доспех, нет... Кольчуга до середины бедра, нагрудник, наручи и еще уйма железа, названия которому я не знала. Братья наверняка сразу поняли бы, чьей работы доспех перед ними, в каком веке он сработан, каким мастером – они разбираются, дедушка научил. Хотя как может пригодиться это знание в наши времена, если ты не намерен всю жизнь заниматься описанием судеб давно почивших людей, в том числе знаменитых воинов? Я не знала ответа, а спросить у дедушки побоялась...

– Что же ты стоишь? – спросил он с затаенной насмешкой. – Я тебя не держу, беги скорее к своему милому!

– О чем вы... – Тут до меня дошло, о чем он говорит, и кровь бросилась мне в лицо. – Да как вы смеете!..

«Еще всякий призрак станет отпускать непристойные шуточки!» – могла бы я добавить, но вовремя прикусила язык. Он ведь может рассердиться, а что тогда со мной станет, неведомо...

– Куда же ты спешишь в такой час, нарядившись, словно на бал?

– На бал? – невольно переспросила я, взглянув на себя.

В таком-то платье? Оно, как верно сказала Лисса, вышло из моды триста с лишним лет назад!

«Но ведь призрак не вчера появился... то есть умер... неважно! – тряхнула я головой. – Может, для него это платье – самый что ни на есть писк моды? Ох, неужели нас в самом деле готовят в жертвы, потому и одевают одинаково, чтобы злой дух не удивился, увидев нынешние наряды?»

– Я тебя не помню, девушка, – сказал он вдруг. – Ты одета как знатная дама, а ведешь себя словно виноватая служанка, укравшая платье у госпожи, чтобы покрасоваться на деревенском празднике. Я угадал? Вижу, у тебя не хватило смелости взять еще и украшения: за платье госпожа, быть может, и простит... если сама не отдала тебе старое, а вот за драгоценности – прикажет запороть на конюшне!

Я лишилась дара речи.

– Но это не мое дело, – добавил он. – Беги, пока тебя не хватились. Я ничего не видел.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. С каждым его шагом – он сильно хромал – меня отпускало напряжение. Казалось, до того он удерживал меня взглядом, словно прочными путами, а теперь отпустил. И это я еще не смотрела ему в лицо! Наверно, взгляни я в глаза, вовсе не опомнилась бы, а теперь был шанс спастись, раз уж он не тронул меня и оставил в покое, сочтя недостойной своего внимания. Даже обидно как-то...

«Кап!» – еще одна темная клякса расплылась на каменном полу.

– Вы ранены, сударь? – едва слышно выговорила я.

– Что? – Он остановился и обернулся. – Я не слышу, что ты лепечешь, девушка. Говори громче! Если хочешь попросить поженить тебя с милым, сделай одолжение, подожди хотя бы до завтра, мне не до того...

– Я спросила – вы ранены? – повторила я громче. И кто меня за язык тянул? – Кровь... вот... на полу.

– Вижу... – Он поднял правую руку, закованную в кольчужную перчатку, коснулся левого плеча. – В самом деле... Надо же, не заметил.

– Может быть, позвать кого-то на помощь?

– Нет, – после паузы ответил он. – Иди своей дорогой. Ты не видела меня, а я не встречал тебя, понятно тебе, девушка?

– Да, сударь, как скажете... – пробормотала я. – Только след остается. Кто-нибудь еще заметит...

– Так подотри, – приказал он таким тоном, словно даже не сомневался в моем повиновении. – А с этим... Найдется у тебя платок? Нужно чем-то зажать рану.

Платок у меня был, вышитый, из тонкой ткани, но до того маленький, что его хватило бы разве только порезанный палец обмотать. Впрочем...

В старых легендах (тех, из которых матушка не вымарала кое-какие строки) говорилось, что знатные дамы, бывало, перевязывали раны возлюбленных своими нижними юбками. На мой взгляд, это могло скорее навредить раненым, чем помочь, вдобавок, как я уже упоминала, к выданному платью вороха нижних юбок не полагалось. Все, что у меня было, – это шарф, его-то я и предложила пустить в ход. Ну, как предложила – показала жестом.

– Подойдет, – кивнул мужчина.

Я осмелилась взглянуть чуть выше, потом еще... Волосы у него были не очень длинные, едва по плечи – сейчас они неопрятными, непонятного цвета сосульками свисали на худое, какое-то изможденное, серое лицо с темными провалами глаз. В неверном коридорном свете он выглядел словно оживший покойник, каковым наверняка и являлся! А я имела глупость с ним заговорить...

– Ну же, девушка, – требовательно произнес он. – Взялась помогать – так не стой столбом!

Рана была у него на плече, почти под самым наплечником, и мне, право, не хотелось представлять, с какой силой был нанесен удар, вспоровший кольчугу и прочную кожу чехла под ней и доставший до тела. Я подумала, что если зажать рану чистым платком, а потом потуже перетянуть шарфом, то, может быть, кровь остановится. Ну или хотя бы какое-то время не будет капать на пол! Ох, нет, все равно будет – ее уже изрядно натекло на рукав и в перчатку... но с этим я ничего поделать не могла.

Ну а самым удивительным оказалось то, что на ощупь призрак казался человеком из плоти и крови! Я ощущала под пальцами металл и кожу, чувствовала даже дыхание, горячее и прерывистое – признаюсь, я была не слишком осторожна при перевязке, потому что мне хотелось покончить с нею как можно скорее.

– Вот так, сударь, – сказала я зачем-то.

– Благодарю, девушка, – кивнул он и ушел прочь, не оглядываясь.

Я смотрела вслед, пока тяжелые шаги не стихли за поворотом, и только тогда догадалась взглянуть на себя. Конечно же, я испачкалась в крови – на платье спереди красовалось пятно! Будь ткань винно-красной, как у кузин, это не было бы так заметно, но...

– Как же быть? – прошептала я вслух и по дурной привычке принялась грызть ноготь. Остановил меня неприятный солоноватый привкус, и тогда только я поняла, что испачкала не только платье, но и руки... Но руки можно вымыть, а с пятном я ничего сделать не сумею!

Вдобавок призрак приказал подтереть следы крови на полу, но... Чем?

Я потеряла пятно подошвой туфли – оно размазалось и немного потускнело. Может, его никто и не заметит, а за день затопчут так, что и воспоминания не останется... Вот только с теми пятнами, которые успели подсохнуть, такой фокус не выходил. Я скорее стерла бы подметки до дыр, чем уничтожила следы крови, впитавшейся в камень...

«Быть может, она пролилась века назад и с тех пор никто не может ее отмыть?» – подумала я, кое-как размазав еще одно пятно и отыскав следующее. Почему-то мне даже в голову не пришло послушаться приказа этого странного человека с королевским гербом на груди.

И замерла, увидев, как засохшая кровь исчезает с каменной плиты, будто кто-то невидимый, но могущественный стирает ее, словно пыль с каминной полки. Миг – и пол сделался девственно чист.

Я сделала несколько шагов дальше, туда, где точно видела пятна. Их не было.

У меня отлегло от сердца: наверно, я выполнила приказ призрака! Хотя бы постаралась, а поскольку с рассветом все следы потусторонних существ исчезают, то исчезли и пятна... И с платья пятно пропало, какое счастье!

Ох, надеюсь, призрак не станет сердиться и тем более искать меня: ведь легко узнает среди прочих! Не думаю, что среди будущих невест короля много рыжих... Да цвет волос не столь важен: я испачкалась в его крови, он видел меня, говорил, прикасался, а значит, легко отыщет, если пожелает!

«Рассвет уже близко!» – ужаснулась я и опрометью бросилась в свою комнату. Еще перепутала дверь и вломилась к незнакомым девушкам! Хорошо, они крепко спали и не проснулись, когда я ворвалась, только одна недовольно пробормотала что-то во сне.

Вернувшись к себе, я потихоньку разделась и нырнула в постель. Никак не удавалось согреться, словно призрак был где-то поблизости и от него веяло потусторонним холодом...

«Что за глупости! – рассердилась я на себя и накрыла голову подушкой. – Не был он холодным! А может... может, он и не призрак вовсе? Но кто тогда? Кто-то развлекается и пугает девушек? Но откуда ему было знать, что я именно в это время окажусь в том коридоре? Или действительно за каждым нашим шагом следят и докладывают... тому же распорядителю? А он записывает в свою книжицу: такая-то ночью не спала и бродила по замку, сякая-то отказалась ужинать и капризничала...»

Под подушкой стало нечем дышать, и я высунулась наружу. Ноги немного согрелись, и на том спасибо.

«Ну хорошо, – продолжила я размышлять. Сна все равно не было ни в одном глазу. – Если я встретила ряженого, а кровь была... пускай свинная, то куда она подевалась? Или это вовсе не кровь, а особая краска? Или... я же читала про исчезающие чернила, так, может, это они и есть? Но с рук они тоже исчезли!»

Гадать не было смысла, но чем еще заняться, когда не спится, а до подъема осталось всего ничего?

Мне не давал покоя королевский герб. Вообще-то носить его абы кому не положено... Но, может, ряженому просто дали старинный доспех, некогда принадлежавший члену королевской фамилии? Неужели не нашлось другого? Может, и не нашлось – очень уж этот человек был высок! Я припомнила другие доспехи в нишах: те тоже были рассчитаны на крупных людей, но этому, пожалуй, оказались бы маловаты.

Но почему тогда не отправить бродить по замку кого-то другого? Или только одного-единственного мужчину сочли безопасным для девушек? Хотя какая уж тут безопасность! Если бы у меня были слабые нервы, как у тетушки, я могла упасть в обморок и разбить голову... Или перепугаться до такой степени, чтобы заболеть нервной горячкой, а от нее, бывает, умирают. И, можно подумать, если бы я завизжала на весь замок, вышло бы лучше...

Мне не давал покоя герб. Он так врезался в память, что стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором появлялся металлический нагрудник, и на нем – вздыбившийся грифон, перечеркнутый глубокой свежей царапиной.

Допустим, по какой-то причине некоему человеку дали именно королевские доспехи, а убрать с них герб – значит, испортить дорогую старинную вещь. Но почему его хотя бы не прикрыли какой-нибудь накладкой? Неужели при дворе не нашлось умельца, способного сделать это, не повредив нагрудник?

Не повредив... но как же царапина? Вот что еще странно: нагрудник не походил на доспехи в нишах, тщательно начищенные и отполированные. Он выглядел так, будто... Будто его использовали по назначению, и не так уж редко. Эта царапина поперек герба... А если напрячься, то можно припомнить – там была еще и глубокая, частично заполированная выщербина повыше, как будто кто-то рубанул наотмашь по плечу, и клинок скользнул по наплечнику вниз, и много других, поменьше, не таких заметных... Это не парадные доспехи.

«Но что в этом странного? – спросила я себя. – Нашли где-то в оружейной амуницию королевского прапрадедушки, вот и все! Не в парадные же латы наряжать этого... как бы его назвать? Неважно! А герб оставили нарочно – чтобы посильнее напугать тех, кто его увидит. Со мной ведь получилось, верно? Может быть, король издал указ, которым дал позволение притворяться... ну хотя бы почившим предком. Да, вот так уже лучше... Такое вполне вероятно...»

Закончить мысль я не смогла – уснула. Всегда со мной так: если на уме есть хотя бы глупая детская загадка, я буду мучиться, пока не отгадаю ее. А уж подобное!..

Во сне я никак не могла отделаться от грифона – оперение его, клюв и когти сияли нестерпимым блеском, меч в поднятой лапе – тоже, а уж на щит больно было даже взглянуть.

Щит? Но это ведь вовсе не...

– Доброе утро, сударыни! – голос Ины заставил меня пробудиться.

Впрочем, не только он: горничная распахнула ставни, впустив холодный осенний ветер и солнечный свет – тучи разошлись, и в наше окошко можно было разглядеть кусочек блекло-синего, словно полинявшего от бесконечных дождей, неба.

– Закройте, будьте любезны! – сердито попросила Делла, с головой спрятавшись под одеялом. – Вы что, хотите, чтобы мы простудились насмерть?

– Свежий воздух полезен для здоровья, так говорят лекари его величества, – невозмутимо ответила Ина.

– А он что, чем-то болеет? – неподдельно изумилась Лисса. – Его величество ведь совсем молод!

– Что за ерунду ты опять мелешь! – воскликнула Делла. – Сама подумай: при дворе непременно должны быть лекари, ведь там столько вельмож!

– Вы совершенно правы, сударыня, – сдержанно улыбнулась Ина. – А помимо лекарей при его величестве состоят дегустаторы – они пробуют поданные к столу кушанья, ведь в них может оказаться яд, а также чародеи, способные прозревать злые намерения в людях.

– Я думала, это сказки, – прошептала я, – или что чародеи давным-давно вымерли вместе с грифонами и единорогами...

– Вовсе нет, сударыня, – повернулась ко мне горничная. – Конечно же, таких людей очень мало, и большинство из них служат высокопоставленным персонам. К слову, перед последним испытанием все участницы должны будут предстать перед чародеями, а те определят, не таит ли какая-нибудь из девушек преступных замыслов, не использует ли колдовские амулеты, снадобья и всевозможные злые зелья, чтобы показаться лучше, чем она есть на самом деле, или даже приворожить его величество. Впрочем, рано еще говорить об этом.

– Словно в прошлое угодили, – пробормотала Делла и решительно села на постели, скинув одеяло. – Брр! Чародеи, амулеты... А что, Ина, уличенную в зловредном колдовстве затравят собаками или разорвут лошадьми? Право, не помню, как принято было поступать с ведьмами.

– Ну зачем же такая жестокость, сударыня, – улыбнулась та. – Ее просто предадут позору и отправят восвояси... если, конечно, родители согласятся принять ее под свой кров. В противном случае участь ее незавидна. А теперь прошу умыться, сударыни! Мне нужно разбудить остальных.

Стоило ей выйти за дверь, Лисса спрыгнула с кровати, босиком подбежала к окну и закрыла ставни.

– Очень умно, – процедила Делла, – теперь не видать ни зги!

– Зато не дует, – ответила та. – Одевайся скорее, и я снова открою.

Одевшись, умывшись и причесавшись, мы чинно уселись на кровать, накинув на плечи одеяла, и принялись ждать завтрака.

– Говорят, от холодной воды улучшается цвет лица, – попыталась я подбодрить кузин.

– Если так пойдет и дальше, то все мы будем румяными, – согласилась Делла, – только недолго.

– Почему? – спросила Лисса.

– Потому что от сильной простуды можно умереть.

– Все равно не поняла, при чем тут цвет лица.

– От простуды бывает жар, а от жара – румянец, глупая ты девчонка!

– Будто я не догадалась, – фыркнула она.

– А раз догадалась, зачем спрашиваешь?!

– Скучно сидеть просто так, а ты до того забавно сердишься... – захихикала Лисса, и Делла потянулась схватить ее за ухо, но не успела.

– Вижу, вы в хорошем настроении, сударыни, – сказала Ина, показавшись на пороге, – чего, к сожалению, я не могу сказать о многих других девушках. Прошу следовать за мной. Пока вы спали, приехали последние гости, поэтому завтрак сегодня подадут в общую трапезную.

«Хотя бы взглянем на остальных!» – подумала я.

Трапезная оказалась просторным залом, в котором в два ряда стояли простые деревянные столы и скамьи. Горничные рассаживали своих подопечных в им одним ведомом порядке. Я присмотрелась: вроде бы не по росту, не по старшинству, вряд ли по родовитости – все мы сейчас были на одно лицо – и даже не по цвету платьев! К слову, в зеленом оказалось еще несколько девушек – были среди них и рыжие, и блондинки, и даже темноволосые (видимо, горничные решили, что и этим красное не пойдет), и я обрадовалась, словно обрела потерянных сестер. Нужно будет постараться узнать их поближе, если получится...

– Посмотри направо, – прошипела Делла. – Вон та блондинка... узнаешь?

– Нет, – честно ответила я. – Никогда ее не видела.

– Это почти наверняка принцесса Карадин, – уверенно сказала Лисса. – Точно-точно, у ее бабушки точно такие же брови и тяжелые веки. А у отца – горбинка на носу. Ну же, Тесса, неужели ты не узнала?

– Да нет же!

Признаюсь, я всегда поражалась способности кузин запоминать особенности ушей, носов и подбородков знатных персон, которых они видели разве что в детстве и издали, когда мы были на празднике в столице и смотрели на королевскую процессию с балкона. Ну, может быть, еще на портретах в замках тех из знакомых родителей и дедушки, кто имел какое-то отношение к цвету дворянства. Я имею в виду всяких четвероюродных племянников жен кузенов сводных братьев этих самых вельмож. Почему-то именно такие люди обожают бахвалиться эфемерной связью с высшим светом и наводняют свои жилища плохими копиями портретов дальних родственников.

По-моему, ничего особенного в блондинке не было: красивая, холеная, надменная – это впечатление усиливали тяжелые веки, о которых толковала Лисса. Она держалась с королевским достоинством, но кругом хватало других девушек, которые вели себя точно так же. Правда, я не стала на них указывать: если кузины примутся вспоминать, где уже видели такие черты лица, я взвою, как волк на луну!

Наверно, я не права, и мне тоже следовало высматривать возможных фавориток этих испытаний, чтобы постараться познакомиться с ними и, возможно, в дальнейшем войти в их свиту, оказаться при дворе... Но я полагала, что у принцессы Карадин наверняка уже есть наперсницы, которые прибыли с нею вместе и вряд ли позволят посторонним приблизиться к своей госпоже. А ссориться с кем бы то ни было я не люблю, тем более по такому глупому поводу. Пускай кузины пытаются завести с нею дружбу, если им так хочется, а я поищу ровню себе...

Три громких удара заставили всех вздрогнуть и прекратить перешептываться. Оказалось, во главе столов (как глупо звучит!) появился распорядитель. Вид он имел крайне бледный – должно быть, всю ночь принимал запоздавших гостей, однако держался с большим достоинством. Немудрено – ему выпала такая честь и ответственность!

– Сударыни, – заговорил он, когда в зале воцарилась тишина. – Теперь, когда все вы в сборе, позвольте поприветствовать вас от имени его величества Дар-Аррона Второго и пожелать, чтобы пребывание ваше в замке Старой Птицы оказалось приятным и плодотворным.

– Насчет приятности я бы поспорила... – едва слышно прошептала Делла.

«Откуда такое название?» – удивилась я. Этот замок обычно называли Старым королевским, но...

Я поняла, что отвлеклась, и вновь обратилась в слух.

– На ближайшие дни, а может, и месяцы это место станет вашим домом, – продолжал распорядитель. – Вы будете жить бок о бок и заботиться друг о друге и о своем жилище до тех самых пор, пока его величество не сделает свой выбор.

Подавленная тишина была ему ответом. Думаю, большинство из нас как-то не так представляли себе королевские смотрины.

«А ведь наверняка чьи-то старшие родственницы принимали участие в предыдущем Королевском Испытании, – подумала я и посмотрела на соседок по столу уже с большим интересом. – Неужели они ни слова не сказали о том, как оно проходит? Может, им запретили говорить, взяли клятву? А то и заколдовали...»

– Все вы, уверен, задаетесь вопросом, что же такое – Королевское Испытание, – произнес он, подтвердив мою догадку. – Хочу сообщить вам: оно началось в тот самый момент, когда вы переступили порог замка и вверили себя нашим заботам. У Испытания множество этапов,

и не все они будут легкими. Какие-то покажутся вам странными и бессмысленными, какие-то – невероятно простыми, а иные – жестокими и опасными...

В зале послышался ропот.

– Да, его величество обещал вашим родителям обеспечить вашу защиту и неприкосновенность! – чуть возвысил голос распорядитель. – Я ведь не сказал, что опасности подвергнетесь вы сами, сударыни. К слову, умение слушать и слышать – тоже важная часть Испытания, не забывайте об этом. А теперь к делу...

Он откашлялся и продолжил:

– Как я уже сказал: замок Старой Птицы отныне ваш дом, сударыни, а потому вам придется как следует заботиться о нем. Слуг недостаточно, а потому каждая из вас в свою пору должна будет побывать на кухне и на скотном дворе, в птичнике, в прачечной и на чердаке... Каждое утро вы станете тянуть жребий, который определит, чем вы станете заниматься в ближайшие дни и в какой компании.

Все подавленно молчали. Я не удержалась и покосилась на принцессу Карадин: она сохраняла полнейшее спокойствие, будто ее ничуть не пугала вероятность очутиться на кухне словно последней служанке!

– Конечно же, вас не оставят без помощи, – добавил распорядитель, – но окажут ее лишь тогда, когда вы попросите. Знайте, однако, что одна такая просьба простительна, две – повод задуматься, ну а третья откроет вам двери замка – вы отправитесь домой. Впрочем, те из вас, кто не желает продолжать Испытание, могут уехать немедленно. Итак?..

Я услышала шелест и повернула голову: смуглая шатенка слева от меня встала первой – ноздри ее раздувались от возмущения, глаза метали молнии. Ее примеру последовало еще несколько девушек.

– Проводите, – кивнул распорядитель, и одна из горничных пригласила их следовать за ней.

Я взглянула направо: принцесса Карадин даже не шелохнулась. Может быть, она знает что-то, чего не знают другие? Иначе почему настолько невозмутима? Нужно присмотреться к ней, вот что...

– Ну а теперь, сударыни, когда вы лишились первых семи соперниц, тех, кто не сумел не то что пройти Королевское Испытание, а даже и по-настоящему приступить к нему, – сказал распорядитель, – приступим к завтраку. Жребий вы будете тянуть после него. И помните: в любую минуту вы можете отказаться от дела, которое будет вам поручено... и отправиться домой. Приятного аппетита!

Глава 3

Завтрак прошел в подавленном молчании. Я переглядывалась с кузинами и девушками напротив, но ни одна из нас не решилась нарушить тишину. До тех самых пор, пока не пришла пора тянуть жребий.

– Скажите, сударь, – произнесла брюнетка в зеленом, прочитав свое предписание согласно вытянутому номеру, – должна ли я отправляться на грязную работу в этом наряде?

– Разумеется, нет, – был ответ. – Вам предоставят простую одежду... И уж конечно, вы должны будете привести себя в порядок, прежде чем явиться к столу. Поэтому не мешкайте: все, что вы не успеете сделать сегодня, вам придется заканчивать завтра, но завтра появятся новые обязанности. И те, кто не совладает с таким грузом дел...

– Отправятся по домам, – заключила брюнетка. – Что ж, приступим! Лина? Где там эта... рабочая одежда?

Я подумала, что эта девушка, хоть и держит себя очень властно, вряд ли может похвастаться такой же родовитостью, как принцесса. Не те манеры, сразу заметно: она слишком напориста и резка, явно привыкла командовать и подтверждать свое право отдавать распоряжения, а не принимать повиновение как должное. Скорее всего, она из семьи военного, выслужившегося из низов. Или, к примеру, дочь богатого негоцианта, не так давно купившего титул. Участие в Королевском Испытании – шанс, который такие люди не могут упустить!

«Позже узнаешь», – одернула я себя и посмотрела в свою записку.

Повезло: сегодня мне предстояло только вытирать пыль, а это сущая ерунда! Ну, если не считать того, что потолки в замке очень высокие, и до верха какого-нибудь шкафа я не дотянусь, даже если встану на стул. Но ничего, что-нибудь придумаю!

Вернее, я надеялась, что придумывать мы станем все вместе – со мною на легкую работу угодили еще пять девушек. Но одна из них сразу заявила:

– Давайте-ка разделимся, так будет быстрее. Посмотрим...

Она развернула план, который нам выдал распорядитель (такая любезность с его стороны!), и указала:

– Я займусь вот этими комнатами. Выбирайте и вы.

– Верно, что толку ходить толпой? – поддержала вторая. – Мои – вот эти.

А мне, пока я придумывала, что бы такое сказать, перепали остатки – шесть комнат на четвертом этаже. Судя по плану – не очень-то больших, но там ведь могло оказаться достаточно старой пыльной мебели! И если вылить грязную воду я могла в окошко, то за чистой нужно было идти на кухню. Набегаясь, пожалуй, по этим лестницам...

– Не забывайте, сударыни, – сказал распорядитель, услышав, наверно, как командует наша предводительница, – что оценивать станут всю работу в целом, не разделяя вклад каждой из вас. Таким образом, если кто-то из вас постарается, а кто-то лишь размажет пыль и решит, что сойдет и так, – он развел руками, – все вы будете оценены ниже, чем того заслуживаете.

– Слышали? – грозно посмотрела она на нас. – Идемте же! И не ленитесь!

«Несладко приходится ее прислуге», – подумала я, проводив девушку взглядом, и отправилась наверх. Заблудиться мне не грозило: здесь не было лабиринтов и запутанных коридоров, а план я запомнила хорошо. От лестницы налево, а там плутать негде...

«Всей прислуге несладко приходится», – решила я, одолев одну комнату. Я старалась изо всех сил, но мне казалось, будто только грязь развожу. Еще я пыталась вспомнить, за что матушка бранила наших горничных, и проверяла все места, где могла притаиться паутина или нетронутая годами пыль. Хорошо еще, здесь не было диванов с резными спинками и ножками – они не так давно вошли в моду. Вот в этой-то резьбе пыль, копоть и сажа скапливаются мгновенно, и отчищать мебель приходится часто и подолгу – я видела, как мучаются служанки.

А ведь им еще приходилось выбивать подушки и покрывала, чистить ковры, мыть и натирать полы...

«Не буду больше никого посылать с дурацкими поручениями, – подумала я, переходя в другую комнату, еще больше первой. – Орехов мне, видите ли, расхотелось, подай засахаренных фруктов... И наши комнаты всего-то на втором этаже, но сколько раз на дню Дила бегают туда-обратно? Ведь не одна я ей приказываю, кухни тоже, хотя у них свои горничные есть! А я гоняю их служанок, если под руку подвернутся...»

Я всего-то ничего сделала, а вода в ведре – ох, каким оно было тяжелым! – сделалась совсем черной. В этих покоях не прибирались, должно быть, много лет... ну разве что обмахивали пыль на самых видных местах, и только. Мне же запомнились слова распорядителя, и я надеялась, что остальные девушки тоже постараются, иначе будет очень обидно!

Спустившись на кухню, я налила чистой воды из чана – спасибо, хоть из колодца не пришлось ее доставать, я бы не смогла, наверно! – и снова поплелась вверх. На третьем этаже слышались голоса и чей-то смех – мне показалось, это наша предводительница с какой-то из своих подруг.

Очень хотелось пойти и посмотреть, чем они занимаются вместо уборки, но я не решилась. Может, они уже закончили или просто решили передохнуть, а тут явлюсь я с глупыми претензиями... Очень не люблю оказываться в дурацком положении, но это случается со мной не так уж редко. Всею виной мое воображение, как говорит матушка: стоит мне замечаться, и я перестаю замечать, что происходит вокруг, могу сказать или сделать что-нибудь не впопад. Я стараюсь следить за собой, даю волю фантазии только оставшись одна, но иногда не получается удержаться, и остается лишь уповать на то, что все обойдется, и я, к примеру, никого нечаянно не обижу, не заметив в упор...

И уж тем более нельзя расслабляться в этом месте! Здесь меня не станут ласково журить, как дома, а... Не накажут, конечно. Просто выставят за порог, а это... это очень обидно – отправиться прочь даже не по своей воле, как те семеро девушек, а из-за ошибок, которых понаделаю благодаря глупой рассеянности и привычке витать в облаках!

«Буду держать себя в руках», – пообещала я себе, толкнула третью дверь... и попятилась. Комната разительно отличалась от виденных мною до того.

Прежде всего, это была библиотека. Во всяком случае, мне так показалось. Но чем иным мог оказаться просторный, на удивление светлый зал, стен которого не видно за стеллажами, заполненными свитками и толстыми книгами в кожаных и деревянных переплетах? У нас дома тоже есть такие – ветхие, тронь – рассыплются прахом.

Но не о книгах я подумала в первую очередь, а о том, что мне недели не хватит на то, чтобы протереть бесконечные полки, – управиться бы до темноты, не то что до обеда! А ведь это еще не все...

– Что тебе тут нужно? – услышала я, едва не уронила ведро и ответила:

– Простите, сударь, меня прислали убираться...

Клянусь, я никого не заметила, войдя в библиотеку! Однако здесь кто-то был. Я не могла рассмотреть его против света, бьющего в большое окно, различила лишь, что высокий и широкоплечий. Мужчина, конечно же, это и по голосу было понятно.

– А, это снова ты! – неожиданно весело произнес он и шагнул в сторону от массивного стола, на котором рассматривал какой-то свиток.

Теперь, когда солнце освещало его сбоку, я узнала... Да, это был ночной незнакомец! Уже не в доспехах, но трудно было бы спутать его с кем-то другим: мужчин такого роста, повторюсь, не часто встретишь. И голос мне запомнился.

– Простите? – только и смогла я сказать, а про себя подумала: он точно не призрак, а человек из плоти и крови, раз оказался здесь среди бела дня!

– Ты настолько серьезно восприняла мои слова о том, что я тебя не видел? – осведомился он, подойдя ближе. – Похвально. Однако я угадал, девушка, – ты служанка, которая позаимствовала платье госпожи, чтобы сбежать на свидание!

– Вы не угадали, сударь, – ответила я и поставила ведро на пол – и так уже руки оттянула. – Платье никого не делает ни служанкой, ни принцессой.

– Надо же, какие разумные речи... Позволь-ка, – он вдруг взял меня за запястье и, прежде чем я успела отдернуть руку, провел жестким пальцем по моей ладони. – Хм... Эти руки не знали работы. Так кто же ты такая, девушка? Зачем переодеваешься то так, то этак, и почему то и дело попадаешься мне на пути?

– Простите, сударь, но если я стану говорить с вами вместо того, чтобы заниматься делом, то не успею закончить работу в срок.

– Ты же не языком собралась пыль вытирать, – сказал он. – К тому же я не вижу в этом необходимости – здесь недавно убирались.

Я посмотрела по сторонам и молча согласилась, что в библиотеке и впрямь царит необычайная чистота. А ведь именно там, где хранится множество книг, пыль скапливается во множестве...

– Что ж, – произнес мужчина, прежде чем я решила сказать, что мне нужно идти, – если ты не желаешь говорить, не стану тебя неволить. Но раз уж ты оказалась здесь, то помоги мне.

– Чем же, сударь? – кашлянув, спросила я.

В голове роились мысли одна другой страшнее. Что будет, если кто-нибудь войдет и обнаружит меня наедине с неизвестным мужчиной? Ведь это... это... Матушка и тетушка множество раз предостерегали нас с кузинами от подобного! А я, вместо того чтобы бежать прочь со всех ног, стою и разговариваю с этим странным человеком!

– Подержи, – незнакомец бросил мне свиток, и я ухитрилась поймать его прежде, чем он упал в ведро. – Мне нужно кое-что переписать отсюда.

– Сударь, у меня не очень-то чистые руки!

– А у меня их всего две.

Я поняла, что он имеет в виду, когда вытерла руки о передник и развернула свиток, – он изо всех сил старался свернуться обратно.

– А если придавить края чем-нибудь тяжелым?

– Я пробовал – неудобно, – был ответ. – Приходится то и дело двигать грузы – я быстро пишу, а читаю еще быстрее. Иди сюда, к свету, девушка, расстели на столе... и держи этого строптивца покрепче. Да, вот так... Я не задержу тебя надолго.

Признаться, мне не очень-то нравилось служить чем-то вроде подставки для книг, но возражать было поздно. Тоже скверная моя черта: вечно тяну до последнего, надеясь, что все как-нибудь разрешится само собой, когда нужно сразу сказать решительное «нет».

Спасибо хоть на том, что, оказавшись напротив незнакомца, я наконец смогла рассмотреть его при дневном свете. Он не был красив. Даже странно, если он здесь для того, чтобы компрометировать девушек, лучше бы выбрали мужчину посимпатичнее. Хотя отталкивающей я его внешность бы не назвала. Лицо, как я и запомнила, – худое, с резко выдающимися скулами и подбородком, длинным и не очень ровным носом. Лисса непременно отметила бы аристократическую горбинку, но, по-моему, горбинка эта возникла вследствие перелома, как у моего второго брата. Непослушные, очень густые волосы – в солнечных лучах они казались бронзовыми – падали на высокий выпуклый лоб, и незнакомец время от времени нетерпеливым жестом заправлял пряди за ухо. Насчет ушей, к слову, ничего не могу сказать, я не настолько искушена, как младшая кузина, чтобы с одного взгляда понять, на чьем портрете уже видела такой изгиб раковины и длинную мочку... с продетой в нее серьгой. Невероятная вульгарность!

И одет он был... странно. Простая рубаха с широкими, присборенными на плечах рукавами, наверно льняная, с вышитой золотом тесьмой на воротнике, а поверх... По-моему, туника, а может, камзол без рукавов? Главное, на груди вышит был все тот же герб! Еще – широкий пояс с металлическими накладками, на нем кинжал в ножнах... Довольно узкие штаны, похоже из тонкой замши, заправлены в сапоги. Так даже охотники в глухомани не одеваются, хотя... определенное сходство прослеживалось. По-моему, такую одежду носили очень, очень давно, еще в те времена, когда не было никакого королевства, а только разрозненные маленькие государства...

Но чтобы знатный человек нарядился подобным образом не на какой-нибудь праздник, где можно представиться хоть оборванным нищим, хоть самым королем... Нет, немыслимо.

Он строчил с невероятной быстротой и настолько необычным способом, что я невольно замешкалась и перестала разворачивать свиток.

– Ну же, в чем дело? – Он заметил мой взгляд и поднял руку с пером. На пальце сверкнул тяжелый золотой перстень, на запястье – чеканное обручье. – Это не колдовские заклинания, честное слово!

– Почему вы решили, что я решила... – Я запнулась, но все-таки закончила фразу: – Будто это колдовство?

– По глазам видно, – ответил он. – Девушки боятся колдовства, разве не так?

– Наверно... Но я просто хотела спросить, на каком языке вы пишете, – рискнула я. – Никогда не видела ничего подобного...

– Подержи свиток еще минуту, я закончу и расскажу, – попросил незнакомец, и его перо вновь отправилось в стремительный бег по листу желтоватой неровной бумаги.

«А бумага ли это?» – невольно задумалась я. Свиток был пергаментный, совершенно точно, я видела такие в дедушкиной библиотеке, но самой писать на таком материале мне не приходилось. Интересно, каково это? И почему незнакомец использует именно пергамент? А может, я выдумываю, и у него просто не очень хорошего качества бумага?

– Можно сворачивать, – сказал он, отбросив перо и посыпав свои записки песком. Так делал дедушка, хотя отец давно пользовался промокательной бумагой. – Оставь его на месте, хранитель уберет, когда явится.

Я послушалась. Очень хотелось убежать со всех ног, но теперь для этого мне пришлось бы обойти незнакомца, а он вряд ли позволит. Да и ведро не бросишь... Кажется, я поняла, что ощущают молоденькие служанки, когда их задерживают господа, в то время как хозяйка ждет исполнения приказа. Ужасно неприятное чувство: и послушаться не можешь, и знаешь, что влетит за задержку, но деваться все равно некуда...

– Платок я тебе не верну, – неожиданно произнес он.

– Ничего страшного, у меня еще есть, – ответила я. – Он, должно быть, все равно погиб.

– Почему? Вовсе нет. Просто я не предполагал снова увидеть тебя, тем более в библиотеке. Не носить же мне его у сердца в надежде на случайную встречу?

Я не нашлась что ответить. Лисса непременно придумала бы какой-нибудь колкий или смешной ответ, но, увы, – я не сильна в словесных дуэлях. Вернее, в воображении я могу вести блестящие беседы с язвительными и остроумными собеседниками, ни в чем им не уступая, но наяву теряюсь и не могу сразу найти подходящие слова.

– А ваша рука... – выдавила я наконец, чтобы не молчать.

– Почти в порядке, – усмехнулся он, дотронувшись до плеча. – Конечно, щит мне не придется держать еще по меньшей мере неделю, но в том, к счастью, нет необходимости. Что до прочего... мой лекарь – настоящий кудесник.

– То есть чародей? – не удержалась я, вспомнив слова распорядителя.

– Конечно, – с удивлением посмотрел на меня мужчина. – Не думаешь же ты, что такая рана могла зажить сама собою меньше чем за двое суток? Меня недаром прозвали Железным,

но я все-таки не герой древности: у них, рассказывают, даже отсеченные конечности отрастали после битвы!

– Что, даже головы? – не удержалась я, и он засмеялся, а потом сказал:

– В какой-то легенде героя разрубили на куски и разбросали их по всему свету, и все равно он ожил и натворил еще немало славных дел, так что не удивлюсь и такому повороту.

– Ни разу не видела чародея, – зачем-то сказала я.

– Неужели? Из какой же ты глуши, девушка?

– Вовсе не из глуши, – обиделась я. – До столицы меньше двух недель пути, и...

– И как же называется это дивное место, в котором никогда не видели чародеев? Даже деревенских?

– Гаррат, – ответила я, решив не обижаться.

Может быть, ему того и нужно? Попадется какая-нибудь неуравновешенная девушка, оскорбится, услышав насмешливые слова о родном гнезде, наденет ведро с грязной водой ему на голову и за скверное поведение отправится домой. Откуда мне знать, может, наша предводительница смеялась не с подругой, а с таким же... провокатором?

– Никогда не слышал, – нахмурился незнакомец. – В какой это стороне?

– К северо-западу отсюда, сударь.

– А! Тогда понимаю – в ваших дремучих лесах, должно быть, новых людей видят раз в год, какие уж тут чародеи...

Настала моя очередь удивляться: назвать окрестности Гаррата дремучими лесами мог, наверно, только житель пустыни! То есть леса там были, конечно, но отнюдь не глухие: отцовские лесничие следили за вверенными им угодьями. Конечно, далеко на западе лес делался непроходимым, но в те места никто не забредал без нужды, разве только самые отчаянные охотники на редкого зверя.

– Покажи-ка на карте, – приказал вдруг мужчина и, не глядя, выдернул с полки еще один свиток. – Ну же, я жду!

– Боюсь, я не сильна в землеописательных науках, – сказала я, взглянув на карту, а это была именно она.

Признаюсь, я узнала очертания побережья, Великую реку, что течет с запада на юг, восточные горы и... И больше ничего. Карта выглядела какой-то... пустоватой. Что это за значки? Вот тот, похоже, город. Судя по гербу – королевская резиденция, столица то бишь. Что обозначают черточки – болота или равнины? Или болота – это точки?

– К тому же, вы правы, сударь, – нашла я вдруг, – Гаррат настолько мал и незначителен, что я вовсе не вижу его на вашей карте.

– Или она устарела... – пробормотал он и бросил свиток на место. – К слову, девушка, я веду себя непозволительно грубо, поскольку до сих пор не поинтересовался твоим именем. Нас не представляли, иначе я непременно запомнил бы тебя – не каждый день увидишь такую солнечную корону!

«Он о моей прическе говорит?» – удивилась я. Отправляясь прибираться, я снова заколола косу вокруг головы, и она действительно походила на старинный венец, а уж на солнце, наверно, полыхала огнем. Да уж, такую рыжину поди не заметишь...

– Гара-Тесса, сударь, – сказала я и поклонилась.

– Странное имя.

– Вовсе нет, самое обычное, – снова удивилась я. – Моих кузин зовут Лина-Делла и Лина-Лисса, они родом из Линдора, это совсем рядом с Гарратом.

– Дай угадаю: первая часть имени дана по названию ваших земель?

– Именно так, сударь.

– Мне встречался такой обычай именования, – сказал он, – далеко на юго-востоке, там он распространен повсеместно. А поскольку названия там дают каждому хоть на что-то при-

годному клочку земли, можешь представить, как пышно звучат имена даже распоследних бедняков, всех владений которых хватает разве что на выпас одной тощей козы?

– Пожалуй... – пробормотала я, теряясь в догадках.

Юго-восток? Там расположено союзное государство Аранат. Говорят, в незапамятные времена королевские предки пришли оттуда, может они и принесли с собой этот обычай, как и многое другое? Но в нашем королевстве не первый век дают детям двойные имена, так почему же этот человек удивлен?

– Твоему деду или прадеду не доводилось воевать при Эрдолане? – спросил он вдруг.

– Н-нет, сударь, никому из них никогда не приходилось сражаться, – покачала я головой. Что за Эрдолан такой? Нет, не вспомнить...

– Жаль... Я имею в виду: если они были в южном походе, то могли привезти оттуда такой обычай, и этим бы объяснилась странность твоего имени. Но нет – значит, нет. Должно быть, он попал в ваши края другим путем, – улыбнулся незнакомец.

К слову, сам он представиться не пожелал. Или, может, предполагал, что я узнаю его с первого взгляда? Но... Нет. Я и короля не узнаю, даже если столкнусь с ним нос к носу, – я видела его только на парадных портретах, а еще во время шествия несколько лет назад, и то издалека. Но я тогда была еще ребенком, и мне больше запомнились наряды придворных дам и роскошные кареты, украшенные цветами и лентами, чем чьи-то лица!

– Ты спросила об этом, – сказал он, стряхнув песок со своих записей. – Все еще хочешь узнать ответ?

– Почему нет, сударь? Вы сказали, что это не колдовство, – осмелилась я ответить, – значит, бояться нечего.

– Тогда взгляни поближе. – Незнакомец взял меня за плечо и подтащил к себе. Я, наверно, слишком заметно съежилась, потому что он спросил: – Что с тобой, девушка? Ты ведешь себя так, будто я чем-то обидел тебя или напугал, но разве я причинил тебе какой-то вред?

– Н-нет, сударь, – выдавила я.

Не объяснять же, что даже находиться в одной комнате с ним для меня уже опасно! Не потому, что он может на меня накинуться и что-то сотворить, нет... Если нас застанут, огласки не избежать! И не докажешь, что я вовсе не желала стоять настолько близко к незнакомому и очень странному человеку...

– Тогда перестань дергаться, будто тебя каленым железом прижигают, – велел он. – Итак... Эти загадочные письмена, которые ты видишь перед собой, не что иное, как дзейлинская скоропись.

– Какая?

– Дзейлинская. Не хочешь же ты сказать, будто вы в своих лесах никогда не слыхали о великой империи Дзейли, что лежит на самом дальнем северо-востоке? – неподдельно удивился он.

Я смогла только криво улыбнуться.

– Поразительно, в двух неделях пути от столицы – такая дремучесть... – пробормотал он, свободной рукой взъерошив густые волосы.

Сейчас свет падал так, что стало ясно: незнакомец намного моложе, чем показался мне на первый взгляд. Я поначалу решила, что ему... ну, быть может, сорок лет или даже больше, как отцу, но теперь видно было – наверно, нет и тридцати.

– Может, в ваших краях считают, что девицам ни к чему науки? – вдруг с подозрением спросил он.

– Вовсе нет! – возмутилась я.

– Ты хотя бы грамотная?

– Разумеется, сударь, и если вам угодно проверить...

– Мне угодно, – сказал он и, подумав, взял со стеллажа толстую книгу в окованном бронзой переплете, раскрыл и положил передо мной. – Прочти хотя бы строчку.

Я невольно залюбовалась затейливой буквицей, выполненной лазурью и золотом, но спохватилась и вгляделась в строки, написанные, похоже, от руки. Читать такой почерк было непросто, но я постаралась:

– В год... не могу цифру разобрать... отправился правитель... – Да что за имя-то такое, я его даже прочитать не могу, не то что выговорить! – Ла... Ларрандар? Отправился в поход... в те края, где солнце... солнце не заходит полгода. На север, что ли? И привез оттуда... богатства и... Не знаю такого слова...

– Достаточно. – Мужчина захлопнул книгу, едва не прищемив мне нос. – По меньшей мере, складывать буквы в слова ты умеешь и понимаешь прочитанное. И на том спасибо, а то я уже начал подумывать навестить ваши края и вразумить мужчин, которые считают, что женщине учиться ни к чему!

– Сударь, да ведь теперь неграмотного поди поищи! – не выдержала я. – Вот разве что охотники из лесных поселений читать не очень горазды, но и у них есть люди, которые растолковывают им написанное. И уж подпись свою все они ставить обучены...

– Интересно у вас там, в Гаррате, – без тени улыбки произнес он. – Нужно будет и впрямь наведаться... когда-нибудь.

– Рады будем видеть вас, – вежливо сказала я, хотя сомневалась, будто отец и тем более дедушка обрадуются такому гостю. – Сударь, вы начали говорить о скорописи, но не закончили.

– Да, верно, – кивнул он. – Смотри...

Я взглянула на лист: ровные строки на нем напоминали птичьи и звериные следы на снегу, иногда перемежаемые замысловатыми завитушками и росчерками.

– Каждый значок – это слово, – сказал незнакомец. – Не на нашем языке, конечно же, на дзейлини. Удивительно богатое наречие, хотя и сложное... Значение любого такого значка может измениться, достаточно добавить черточку или точку. Учить их письменность – сушая попытка!

– В самом деле?

– Если выбирать между настоящей пыткой и вот этим, – он стукнул согнутым пальцем по листу, – думаю, мало кто станет колебаться. Я не стал. Хотя впоследствии не раз пожалел об этом: знаешь, каленое железо, муравьи, крысы, выедающие внутренности, – сушая ерунда по сравнению с дзейлинской грамматикой.

Я покосилась на него с опаской, но все же сказала:

– Однако вы, вижу, освоили их письмо?

– Да. Не скажу, что в совершенстве, но достаточно неплохо, – без тени бахвальства ответил он. – Главное, дзейлини позволяет делать заметки очень быстро, а кроме того...

– Их никто не поймет, кроме вас? – догадалась я.

– Именно, Гара-Тесса, – улыбнулся незнакомец. – И моего лекаря. Он приехал со мной из тех краев... и не устает корить меня за скверный почерк.

– А вы не опасаетесь, что он может оказаться шпионом?

– Что? О нет... – улыбка его померкла. – Инна-Ро не шпион. Он обязан мне жизнью, а я – ему. Для дзейлини такая связь священна.

– Все равно как у отца с сыном?

– Нет. Сын может пойти против отца, отец способен предать сына. Мы же навеки обречены заботиться друг о друге и спасать во что бы то ни стало... Да, спасать, – словно отвечая на какие-то свои мысли, произнес он. – Конечно, Инна-Ро – чудовищный брюзга, но он один из немногих людей, кому я могу доверять безоговорочно. Согласись, это важно?

– Конечно, – сказала я. – А он ведь еще и чародей...

– Колдовство – ничто, если разум темен и скуден, а к острому уму не прилагается способность мечтать, так он говорит. Правда, добавляет: главное, чтобы мечты не были бесплодными.

Я не стала спрашивать, что это означает, и так ясно. Можно сколько угодно воображать, как выйдешь замуж за короля, только цель от этого не приблизится. А вот если не только мечтать, но и делать все для достижения цели... ну, хотя бы тщательно вытирать пыль, раз уж Королевское Испытание состоит еще и в уборке, тогда, быть может, тебе и повезет.

– Что привело тебя в замок, Гара-Тесса? – спросил вдруг незнакомец.

– Мы с кузинами приехали на смотрины, – честно ответила я.

– Надо же, как интересно... И что ты, в таком случае, делаешь здесь в таком наряде?

– Я... ну... Это Королевское Испытание! – выпалила я и добавила по наитию: – Правда, никто нам не сказал, в чем оно заключается. Может быть, вы знаете, сударь?

– Знаю, конечно... – задумчиво ответил он.

– Но не скажете?

– Почему?

– Может быть, не полагается этого делать, и вы пытаетесь найти вежливый предлог для отказа? Я понимаю, сударь, и...

– Я просто гадаю, кому взбрело в голову устроить такое представление. Нет, не говори! – остановил он меня. – Я же лишусь половины веселья, если узнаю, чьих это рук дело! Правда, участницам забавы не до смеха, не так ли?

– Ну... – Я покосилась на свое ведро. – Это оказалось весьма неожиданно, сударь. Мы полагали, что оценивать станут наши манеры, образование и прочие добродетели, но никак не умение мыть полы и чистить хлева.

– Это-то как раз нормально для Испытания, – сказал он и присел на край стола. – Скажи спасибо, что тебя не пошлют в чумной барак ухаживать за умирающими. И посуди сама: много ли толку от изящных манер, когда, например, в замке совсем не осталось мужчин, не считая детей и немощных стариков? Кто-то ведь должен ходить за скотиной, кормить остальных и поддерживать порядок, так почему не хозяйка? Вернее, хозяйка обязана делать это в первую очередь – в отсутствие супруга ответственность за людей лежит на ней.

– Вот как... – произнесла я, потому что не придумала ничего умнее.

Зачем все это в наши времена? Я не могла вообразить ситуацию, в которой матушка с тетушкой оказались бы вынуждены сами стряпать еду на всех обитателей нашего замка или стирать белье на реке!

– Королевское Испытание состоит из трех этапов, каждый из которых может подразделяться на несколько других, – сказал вдруг незнакомец, и я обратилась в слух. – Не думаю, правда, что вас заставят пройти его полностью, хватит и части. Так или иначе, самый первый этап – смирение. Думаю, ты уже поняла его суть?

– Пожалуй, сударь... Выполнять грязную работу и не жаловаться – этого от нас добиваются?

– Не просто выполнять, а делать это с тем же усердием, с каким ты училась танцевать, чтобы блистать на балах, – поправил он. – Мало смириться с тем, что ты вынуждена мыть полы... или что ты делаешь этой тряпкой?

– Протираю пыль.

– Повезло. Так вот, Гара-Тесса, нельзя работать лишь для того, чтобы распорядитель отметил – такая-то выполнила всю порученную работу. Если ты станешь трудиться лишь ради заветной галочки напротив твоего имени в списке, ты не перейдешь ко второму этапу.

– Я не понимаю, сударь... – прошептала я. – Нам велели тянуть жребий, сказали, что каждые несколько дней станет меняться задание и те, с кем вместе мы должны его выполнять, вот и все. Еще добавили: оценивать будут всех, и если кто-то станет лениться и работать спустя рукава, то пострадают и другие...

– Нужно запретить это Испытание, – сказал он себе под нос, – для всех, кроме собственно королей.

Я едва успела прикусить язык, чтобы не сказать – ведь именно его величество пригласил нас сюда!

– Неважно, кто и что сказал, – добавил мужчина. – Оценивать будут не люди.

– Кто же? – голос у меня почему-то сел.

– Старая Птица, – ответил он, словно это было нечто само собой разумеющееся. – Этот замок. Если ты сумеешь отнестись к нему как к своему дому... Ты ведь не допустишь, чтобы в твоём Гаррате по углам катались клубки пыли, а окна заросли паутиной, даже если не останется слуг и придется взять дело в свои руки?

– Конечно же, нет!

– Так и здесь... Нет, – покачал он головой. – Трудно объяснить, Гара-Тесса. Можно выполнять задания так, что любой распорядитель расплатится от восторга: все кругом будет сиять, соринки не найдешь, но это будет мертвая чистота. Злая.

Я открыла было рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но догадалась сама. От злости можно много чего сделать, в том числе отдраить полы в целом замке и перечистить все серебро. Но без малейшего желания, с отвращением даже, и... наверно, замок это почувствует? Эта самая Старая Птица, чем или кем бы она ни была?

«Вряд ли я смогу с радостью стирать белье в холодной воде, – подумала я. – Что ж, я знала – у меня нет шансов. Не очень-то и хотелось!»

– Старая Птица видит наши мысли и чаяния, – сказал вдруг незнакомец. – Сделанное напоказ ее не порадует. А какая-нибудь мелочь, исполненная от души, – дело другое. Больше я ничего не могу тебе сказать. И так уже наговорил лишнего...

– А почему – Старая Птица? – не удержалась я.

– И ты еще уверяешь, что Гаррат – не глушь? – засмеялся он. – Неужели там не слыхали этой легенды?

– Н-нет...

– Что, и об украденном солнце не рассказывают?

– Я не слышала, – призналась я.

– Дожили... – пробормотал он. – Что ж... Сказитель из меня скверный, но если коротко, то дело было так: давным-давно Враг похитил солнце с неба. Сама понимаешь, чем это обернулось.

– Неужели нет!

– Многие пытались вернуть его, но... Кто не смог добраться до крепости Врага, кто погиб на подступах к ней или угодил в плен и умер в заточении. И так длилось до тех пор, пока не погибли все молодые и сильные. Остались старики, дети и женщины. Птица была, как понятно по имени, уже старой, но когда последний из ее детей не вернулся, решила – раз больше некому, значит, ей придется взять меч и идти за солнцем...

– Чем же она держала меч, если у нее крылья? – не удержалась я. – В лапах? А ходила как?

– Пришлось отрастить вторую пару лап, – усмехнулся он и накрыл ладонью вышитый на груди герб. Тут только до меня дошло, что под Старой Птицей он имеет в виду грифона! Ну конечно: у него и крылья, и меч в лапе! – Чего только не сделаешь, чтобы мир спасти. И она добралась до цели. Долго рассказывать, на это у хорошего сказителя несколько вечеров уходит. Главное – Враг был повержен, а солнце вернулось на положенное место в небесах.

– А Птица?

– Дожила свой век в окружении уцелевших внуков и правнуков, как подобает. Иначе от кого бы мы узнали о ее приключениях? У нее, знаешь ли, не было оруженосца!

– Никто не рискнул отправиться с нею вместе?

– Скорее уж, она никому не позволила следовать за собой. Старики, намного более дряхлые, чем она сама, задерживали бы ее, дети... ну кто же берет детей в такое опасное путешествие? – без тени улыбки произнес мужчина. – В память о Старой Птице мы, ее потомки, носим этот герб. Отвоеванное солнце всегда с нами. И меч – чтобы никто больше не посмел протянуть к нему руку... или даже лапу.

Только сейчас я поняла, чем меня так смущал этот герб. На королевском грифоне опирался на щит, а меч держал острием вниз. На том же, что я увидела сперва на доспехах, а теперь и на тунике незнакомца, грифон воинственно воздевал оружие, а под свободной лапой у него был вовсе не круглый щит, как мне показалось, а... солнце. Кругом располагались не какие-то завитушки для красоты, а лучи, как их изображали на старинных гравюрах.

«Так это вовсе не особа королевской крови, – отлегло у меня от сердца. – Разве что отпрыск какой-то дальней ветви... Герб похож, но не так уж сильно. И все равно непонятно, что же он тут делает!»

Расспрашивать я не рискнула, сказала лишь, чтобы не допустить неловкой паузы:

– Должно быть, страшно ей было...

– Неужели нет, – улыбнулся он. – Не за себя – за тех, кто остался дома.

– Понимаю: если бы с ней что-то случилось, их уже некому было бы защищать.

– Именно так. Она, правда, оставила с ними свое сердце, но оно может только светить и согревать любовью... хотя в темные времена и это немало, не так ли?

Я кивнула, полагая, что ответы на подобные вопросы не требуются.

– Говорят, – добавил он вдруг, – когда Старая Птица улетала на бой, она была совершенно седой. А вернулась в золотом оперении – это солнце ее поцеловало в благодарность за спасение.

– У нас тоже говорят про рыжих и веснушчатых – солнцем отмеченные, – вспомнила я.

– О, Гаррат исправился в моих глазах, – серьезно ответил он. – Хотя что-то у вас помнят...

– А этот замок, сударь? Испытание проводят именно здесь из-за Старой Птицы? – расхрабрилась я.

– Именно так. Говорят, в основании фундамента лежит ее гнездо. Легенда это или нет, но... замок не так-то прост. Он сам решает, кто достоин пройти Испытание, кто нет, а вовсе не распорядитель. Поэтому... тебе пора, Гара-Тесса. Думаю, у тебя еще много работы, да и меня ждут дела.

– Благодарю, сударь, – искренне сказала я и поклонилась, удостоившись недоуменного взгляда.

– Почему ты все время приседаешь?

– Я... У нас так принято кланяться, – нашла я. – Я имею в виду, у женщин.

– Что за дикий обычай... – встряхнул он головой. – Сделай милость, не повторяй этого при мне.

– Как вам будет угодно, сударь, – с удивлением ответила я. Матушка очень гордилась тем, что выписала нам учителя из столицы, и тот обучил нас и танцам, и настоящим придворным поклонам.

– А теперь иди. Надеюсь, – он сдержанно улыбнулся, – жених стоит того, чтобы пройти ради него Испытание.

«Вот и я на это надеюсь...» – подумала я и выскочила за дверь, чуть не позабыв в поспешности ведро.

Глава 4

Я точно не успею справиться с работой в срок, вот что я поняла, открыв следующую дверь. Эта комната была кошмаром горничной – забитая мебелью, темная – светильники не спасали.

Недолго думая, я протиснулась к окну и, повозившись, распахнула ставни. В комнату ворвался ветер, и светильники погасли, ну да ладно! И без них светло – солнце поднялось уже высоко и било как раз в окно.

«Странно, в библиотеке оно будто бы стояло пониже», – мельком подумала я и взялась за дело.

Будь моя воля, я бы выкинула прочь половину обстановки. Вот эти дурацкие кресла, набитые конским волосом, к примеру, – обивка совсем вытерлась и кое-где потрачена молью и прогрызена мышами, сиденья продавлены, да и не подходят они к остальной мебели! Их я даже протирала небрежно, до того они мне не понравились. А вот массивный секретер я, каюсь, долго разглядывала, до того хороша была инкрустация перламутром на темном дереве! Она кое-где попортилась и осыпалась, но восстановить ее не так уж сложно. Только ставить такую вещь нужно в просторном кабинете, чтобы можно было и подойти без помех, и полюбоваться красотой отделки...

Здесь я провозилась изрядно, потом снова побежала менять воду, и на обратном пути едва не наступила на еще одну несчастную – она тщательно мыла лестницу.

– Простите, я не нарочно, – сказала я, увидев, что вода из моего ведра плеснула на уже вымытые ступени.

– Не страшно, высохнет, – ответила девушка, подняв голову, и я узнала принцессу Кардин. Голова у нее была повязана косынкой, юбка подоткнута, а тряпкой она орудовала с завидной сноровкой. – Идите же! Вижу, вы тоже... замешкались?

– Я... именно так, сударыня. Не предполагала, что протирать пыль – настолько хлопотное занятие!

– В следующий раз попробуете себя в мытье полов. – Принцесса выжала тряпку и поднялась на ноги. – Пойду и я за водой. В чане еще хоть что-нибудь осталось?

– Предостаточно, сударыня.

Она усмехнулась и ушла вниз по лестнице, а я подумала: может, далеко не все восприняли слова распорядителя всерьез? И вовсе не стараются? Считают, достаточно повозить грязной тряпкой, сделать вид, что заняты работой?

– Нет уж, – сказала я себе под нос. – Матушка всегда говорит: взялась, так делай как следует! Вот я и буду... как получится...

Не знаю, насколько хорошо у меня получалось, но к обеду я не успела закончить. Гул колокола, разнесшийся по всему замку, застал меня всего лишь в пятой по счету комнате. Что поделать, пришлось идти умываться.

– Чудовищно! Просто чудовищно! – Лисса едва не плакала, расплескивая воду. – От меня до сих пор воняет птичником!

– Разве что самую малость, – приняхавшись, сказала Делла. – Что ты там делала?

– Сперва кормила этих ужасных птиц... Представляешь, петух меня клюнул! Клюнул! А гуси... это чудовища какие-то, а не гуси! – Лисса шмыгнула носом и продолжила: – А потом мы собирали яйца. И вот что я вам скажу: лучше уж искать их в кустах и крапиве, чем вынимать из гнезд в курятнике! Там... Ужас! Полей мне еще, Тесса...

– Ну, мне еще повезло, – вздохнула Делла и тут же чихнула. – Ковры, конечно, чудовищно тяжелые, и выбивать их – ужасная морoka, но они хотя бы не клюются.

– А мебель не щиплется, – поддержала я и потерла синяк на бедре – ударилась о выступающий угол стола. – Лисса, послушай... Ну послушай же!

– Что еще?

– Ты слышала когда-нибудь легенду о Старой Птице?

– Нет, – помотала она головой, так что полетели брызги. – Ты об этом замке? Я спрашивала других девушек, они понятия не имеют, почему он так назван.

– Ясно... а империю Дзейли знаешь?

– Первый раз слышу! Откуда ты это взяла?

– Увидела на старой карте, в одной комнате висела, – нашла я. – Наверно, это фантазия. Ну, как пишут «здесь водятся чудовища», если не знают, что там, за горизонтом...

– Наверно.

– А про битву при Эрдолане не читала? – не отставала я.

– Вроде бы знакомое название... – нахмурилась Делла. – Что-то такое... южное, кажется. Тоже на карте было?

– Нет, на картине. Она так и называлась, – пояснила я. – Ну, вы знаете: огромное полотно, кони, люди, звери какие-то, ничего толком не разобрать. И год не написан. Я и подумала, что если я не помню, то вы, может...

– Нет, это нужно смотреть в книгах, – покачала она головой. – Хм, интересно, а есть ли здесь библиотека?

– Должна быть, – уверенно ответила Лисса. – Тесса, ты не натыкалась?

Я только головой помотала. Скажи я о библиотеке, могла бы проговориться и о таинственном незнакомце, а рассказывать о нем мне вовсе не хотелось.

К тому же меня посетила такая мысль: что, если этот человек действительно какой-то королевский родственник? Вот только он... как бы это помягче выразиться... не в своем уме. Считает себя потомком Старой Птицы, рассказывает небылицы о далекой стране Дзейли и о несуществующих битвах при Эрдолане... И даже эта его скоропись – лишь порождение большого рассудка, обычные закорючки, в которых лишь он один способен увидеть какой-то смысл.

– Пойдемте, уже был второй колокол, – сказала Делла, и мы поплелись за ней в трапезную.

По пути я не переставала думать о незнакомце.

Наверно, его поселили здесь, чтобы не попадался на глаза остальным родственникам, подумала я. Может быть, ему нравится бывать в библиотеке, листать старинные книги, бродить по темным коридорам... Он как будто не от мира сего, сразу заметно. Одет странно, говорит тоже странно, не знает окрестностей столицы, будто никогда не покидал этого места!

Но почему же его не увезли на время проведения Испытания? Он не пожелал покинуть замок? Пожалуй, с таким и чародей не враз совладает, если он примется сопротивляться!

Скорее всего, он не опасен, решила я. Живет в своем выдуманном мире, в котором ему хорошо, вот и все. Он ведь был вежлив с незваной гостьей, не так ли? По-своему, но... Он действительно не причинил мне вреда! А что не подумал о правилах приличий... похоже, в его волшебной стране они совсем не такие, как у нас.

Лучше молчать о нем, вот что. Должно быть, с него взяли обещание не попадаться на глаза гостям, но он не удержался и пошел в библиотеку среди бела дня: не иначе, воображаемое войско с нетерпением ожидало полководца или же заморские послы – правителя, и ему нужно было уточнить что-то в книге и записать для памяти, только и всего.

Если я проговорюсь, его ведь могут наказать. Запрут где-нибудь понадежнее, раз уж его по какой-то причине нельзя отсюда увезти, и не выпустят, пока гости не разъедутся. И кто знает, что он успеет придумать, сидя под замком? Решит, к примеру, что его предали, что замок захватили враги... И чем это закончится? Он выйдет на волю или даже найдет способ сбежать, возьмет оружие и примется очищать свой дом от врагов? Или...

– Тесса, как ты можешь есть эту дрянь? – услышала я страдальческий шепот Лиссы и опомнилась.

Оказалось, я успела уничтожить большую часть содержимого тарелки, даже не почувствовав вкуса. Сейчас, правда, распробовала: оно было недосолённым, а еще на зубах поскрипывал песок – похоже, овощи не слишком хорошо помыли. Да и куриная лапка с когтями и пара перышек, обнаружившиеся на дне тарелки, поубавили аппетита...

Судя по вымученным улыбкам нескольких девушек за соседним столом, эту трапезу готовили они. Им не повезло намного больше, чем нам с кузинами, вот что! И бабушка, и матушка сами спускались на кухню, чтобы приготовить какой-нибудь изысканный десерт или особое блюдо, не доверяя его служанкам, но вряд ли они знали, как состряпать обед на несколько десятков человек... А даже если и знали понаслышке, уж точно никогда не пробовали это делать.

«На кухне я точно опозорюсь», – подумала я и поболтала ложкой в неаппетитном вареве. Сильно проголодавшись, вот как я сейчас, можно и не такое съесть, но... Сомневаюсь, что у меня получится лучше. А если командовать опять станет наша предводительница, уверена, ничего путного у нас не выйдет.

«Смирение, сказал Грифон, – вздохнула я. Я решила называть незнакомца так: имени его я не знала, но надо же как-то именовать его в мыслях? – Что бы мне ни выпало в следующий раз, я постараюсь выполнить это хорошо. Даже если никогда не делала этого прежде!»

Почти все встали из-за стола голодными. Я видела, однако, что принцесса Карадин (как и несколько ее соседок по столу) мужественно одолела изрядную часть своей порции и даже нашла в себе силы поблагодарить стряпух. Мне хотелось последовать ее примеру, но я не успела – кузины увлекли меня прочь из трапезной. Может, оно и к лучшему: подумали бы еще, что я подлизываюсь к принцессе...

И одно только не давало покоя, не укладывалось в стройную версию о тихом сумасшедшем, обитающем в замке Старой Птицы: его рана. Откуда он возвращался среди ночи в окровавленных доспехах? И куда подевался его меч? В библиотеке я видела у него кинжал, а вот ночью при нем не было оружия! Во всяком случае, я не заметила.

Хотя... Возможно, это тоже часть его фантазий, и меч у него воображаемый. А рана... Можно неудачно упасть откуда-нибудь, напороться на ветку или камень – вот и все. Наверно, он воображал штурм замка, взобрался на стену или дерево и не удержался... Да. Скорее всего, так и было. И доспехи не настоящие, не слишком-то прочные, и на плече у него всего лишь царапина, иначе как бы она, в самом деле, зажила за двое суток?

«Почему двое суток? – только теперь спохватилась я. – Еще и одних не прошло!»

Должно быть, Грифон попросту потерял счет времени. Ему что день, что неделя... ничего не меняется в его выдуманном королевстве.

Если честно, я ему даже немного позавидовала.

После обеда нас ждал короткий отдых, а затем прогулка под присмотром горничных. На наше счастье, хотя и вновь собрались тучи, дождь все не начинался, а потому мы хотя бы не промокли. И все равно в парке (какой уж там внутренний двор, территория замка оказалась намного больше, чем можно было предположить, глядя на него с фасада) мы в своих одинаковых черных плащах с капюшонами выглядели словно стоя озябших галок. Они как раз раскричались в кронах голых деревьев, вот сравнение и пришло мне на ум. Правда, мы были намного более молчаливы: все старались держаться по двое-трое. Видимо, кто-то приехал вместе, как мы с кузинами, кто-то успел познакомиться здесь хотя бы с соседками по спальне. Изрядная компания имелась только у принцессы Карадин и еще двух девушек, включая ту самую брюнетку в зеленом, но это и понятно.

«Интересно, – подумала я, под руку с кузинами вышагивая по мрачной аллее, – а что Старая Птица подумывает о доброжелательности и, к примеру, взаимовыручке?»

В легендах такие качества обычно очень ценятся, но здесь... Сомневаюсь, будто кто-нибудь протянет руку помощи – все ведь стремятся преодолеть Испытание, и чем меньше останется соперниц, тем лучше, не так ли? Чего доброго, немного освоившись, девушки начнут пакостить друг другу. Это ведь совсем просто: можно разлить помои на чисто вымытый пол, опрокинуть корзину с бельем в грязную лужу, якобы нечаянно бросить что-нибудь несъедобное (да хотя бы высыпать горшок соли!) в котел с обедом... Да мало ли еще способов! Я и то могла с ходу придумать добрый десяток таких пакостей, а многие, уверена, куда более искусны в подобном.

Еще тетушка рассказывала о временах своей юности, о том, как они с сестрами соревновались в том, кто быстрее выживет из дома горничную – не потому, что та скверно прислуживала, а просто так, забавы ради. Я помнила кое-какие из этих рассказов и полагала, что и кухни их не забыли. И, вполне вероятно, могут пустить тетушкины ухищрения в ход... хорошо, если не против меня. Оставалось только надеяться на лучшее и какие-никакие родственные чувства...

А может, ничего и не случится. Все-таки за нами пристально наблюдают, и подобные поступки не останутся незамеченными! Вот только... кто сказал, что за них осудят?

– Очнись, Тесса, – сказала мне Делла. – Ты будто спишь на ходу!

– Так и есть, я не выспалась, – вздохнула я. – Всю ночь мерещились какие-то ужасы: сама понимаешь, старинный замок, да еще такой зловещий...

– Это все твое воображение, – строго ответила она. – Замок как замок, запущенный, правда. Похоже, к нашему приезду тут отмыли только парадные залы, коридоры да несколько спален, а все остальное любезно оставили для нас!

– То ли еще будет, – жалобно произнесла Лисса и снова с подозрением принялась к своей руке. От кухни даже после мытья пахло птичником, но мы с Деллой деликатно помалкивали. – Может быть, нам лучше...

Она не договорила, но мы прекрасно поняли ее и без слов: может, сразу отказаться от этого нелепого Испытания? Уехать из неудобного холодного замка в родной дом, рассказать об ужасах Испытания (приукрасив их, конечно же, чтобы впечатлить родных и домочадцев) и забыть о нем раз и навсегда? И о короле тоже: нет ведь никакой уверенности, что он выберет кого-то из нас, даже если мы сумеем преодолеть все тяготы и доберемся до заключительной части Испытания! А раз так, то чего ради терпеть лишения?

Но обсуждать это вслух мы, разумеется, не рискнули...

* * *

Вернувшись к себе, мы коротали время до вечера, сочиняя письма домой. Писать нам не возбранялось, но распорядитель сразу сказал, что запечатывать послания не нужно, их непременно прочтут. Очевидно, распространяться о подробностях Королевского Испытания не следовало, а раз так, то о чем писать? Мы живы, здоровы (во всяком случае, пока), вот и все. В конце концов, родителям будет достаточно этих строк для того, чтобы быть спокойными за нас, чего же еще желать?

Мое письмо получилось до неприличия коротким, и я, положив его на прикроватный столик, сказала кузинам, что прогуляюсь перед ужином.

– Ты в парке не нагулялась? – фыркнула Делла, кутаясь в плащ и натягивая рукава на ладони.

Наш гардероб сделался богаче: Ина принесла нам смену белья и повседневные платья – черные и коричневые, можно было даже выбрать, такая щедрость! Теперь от горничных мы отличались разве что отсутствием передников. Впрочем, цвет и фасон нас уже не слишком заботил, главное, платья были теплыми, из толстой шерсти – ужасно колючей, по мнению

Лиссы. Вязанные чулки и вовсе возмутили ее до глубины души – в них нога не помещалась в туфли, а без них было, мягко говоря, зябко.

Впрочем, обувью хозяева замка тоже озаботились: со всех нас сняли мерки и обещали вскорости обеспечить прочными башмаками. И то: мы как-то не рассчитывали ходить на речку и в хлев! Дорожные же ботинки вряд ли бы продержались долго: они все-таки рассчитаны на путешествие в карете!

Сегодня в комнате было намного холоднее, нежели вчерашним вечером: не иначе, топить печи тоже послали девушек, а делать это без сноровки не так-то просто. У нас дома печами и каминами занимался опытный старик, и я не раз слышала, как он распекает молодых слуг – то они не так сложили поленья, то подбросили слишком много дров, то слишком мало, то сунули в топку сырое дерево, задымив все покои, то слишком рано закрыли выюшку... Целая наука, и я подумала, что, быть может, с этим делом мне удастся справиться хоть сколько-нибудь хорошо? Ох, вряд ли... Дома я любила сидеть на ковре у камина и смотреть, как танцуют язычки пламени на головнях, словно сказочные духи пламени. И мне доверяли подложить полено в огонь или осторожно поворошить угли кочергой – тогда летели красивые искры... Но вот растопить незнакомую печь – это может оказаться не так-то просто.

«Нечего загадывать, – сказала я себе, выйдя в коридор, – что будет, то и будет. Не то ты со своим воображением напугаешься прежде, чем получишь следующее задание, да так, что от страха вообще ничего не сумеешь сделать. Довольно думать об этом! Лучше вспомни о том, что не закончила сегодняшний урок!»

Слова распорядителя не давали мне покоя: если не сделаешь чего-то сегодня, придется заканчивать завтра. А ну как меня отправят на птичий двор? Тогда я точно не улучу времени, чтобы вернуться к треклятой пыли! Но сейчас мне совершенно нечем заняться, так почему бы и не прогуляться наверх и не завершить начатое, благо ведро и тряпку я оставила там – еще тогда подумала, что, может, после обеда вернуться...

Сказано – сделано.

Наверху было темно, только в коридорах тускло горели светильники, но заблудиться там сложно, и я живо отыскала нужную дверь. И ведро, да, когда споткнулась об него в темноте и ушибла палец на ноге. Спасибо, воду не расплескала!

Пришлось ошупью найти светильник в комнате (хорошо, я еще днем запомнила, где он находится), зажечь его от огонька в коридоре, осветить всю комнату, а потом уж заниматься делом. Удивительно, но теперь у меня получалось намного лучше и быстрее... Впрочем, чему удивляться? Когда не выполняешь какое-то действие бессмысленно, а знаешь его смысл и цель, хотя бы в общих чертах, то работа спорится.

Взять хотя бы прописи: будучи ребенком, я терпеть не могла вырисовывать палочки и закорючки, ставила кляксы и рвала тетради, пока дедушка не снизошел до меня и не объяснил: без этих закорючек я никогда не научусь писать красивым почерком, как у него, не смогу вести переписку с родственниками, друзьями и важными людьми, а вдобавок неграмотную никто не возьмет замуж – это ведь позор, чтобы знатная девица не умела держать перо в руках! О замужестве я тогда не думала, а вот позориться перед родней не желала, особенно перед кузинами – Делла ведь уже умела писать, пусть и коряво.

К тому же я сама сообразила: кроме писем, которые мне пока что некому отправлять, можно ведь записывать свои фантазии, чтобы не позабыть! Правда, прятать такие записки приходилось чрезвычайно тщательно: если бы кузины их нашли и прочли, то непременно разболтали бы, а это... Мягко говоря, очень неприятно.

И я придумала свой собственный язык – теперь никто не сумел бы разобраться в моих рассказах! Правда, давно уже ничего не писала на нем, но еще не позабыла, какая закорючка что означает...

«Придуманый язык! – сообразила я. – Совсем как у Грифона... Он, наверно, тоже хорошо помнит, как изменится значок в этой его скорописи, если к нему добавить точку или черточку».

Работы оставалось всего ничего, и, наверно, если бы утром я не разговорила с Грифоном, то успела бы до обеда. Закончив, я направилась вниз, а по пути не удержалась – толкнула дверь библиотеки.

Увы, дверь была заперта. Жаль... Я хотела что-нибудь почитать: из дома взяла только две книги, самые любимые, которые могла перечитывать вновь и вновь, но этого ведь мало! Наверно, Грифон не рассердился бы, если бы я выбрала что-нибудь интересное? Да хотя бы описание империи Дзейли или какой-нибудь войны, а лучше того – легенды и сказания. И почему я не додумалась спросить у него разрешения? Может, он сам выбрал бы что-нибудь не слишком сложное (вряд ли я много пойму в военном трактате), но интересное...

«Раньше нужно было думать», – сказала я себе и пошла прочь. Должно быть, те, кому поручено было присматривать за Грифоном, обнаружили его отсутствие. Не сомневаюсь, он умел обманывать бдительность надсмотрщиков, то есть чрезмерно преданных подданных, следующих за ним по пятам. Возможно, в самом деле заперли его от греха подальше. И библиотеку тоже закрыли – незачем посторонним шарить по полкам и хватать дорогие старинные фолианты!

«Странно, – подумала я. – Замок ведь действительно запущен. Кое-что привели в порядок, но... неужели за библиотекой настолько тщательно следили, что ни одна книга не пострадала от сырости?»

Я припомнила: переплеты отнюдь не выглядели покособившимися и тем более заплесневелыми, страницы в той книге, что положил передо мной Грифон, не склеились и не пошли пятнами, чернила не поплыли, а бронзовый переплет не позеленел. Книга была потертой, словно ею часто пользовались, но вовсе не собиралась рассыпаться по страницам.

«Может, и следили, – решила я. – Если эта библиотека – постоянное прибежище Грифона, то ничего удивительного нет. Он ведь хочет видеть в ней порядок, потому там и пыли нет, и...»

Там окна застеклены, вспомнила я. Большие окна в человеческий рост. Когда я вошла, библиотека была залита светом, но в ней было тепло, ниоткуда не сквозило, как в любой другой комнате замка с распахнутыми ставнями.

И стекла в рамах были вовсе не мелкие, иначе я обратила бы внимание на частый переплет – от него и тени падают заметные, и света в помещение попадает меньше.

«Ты обратила бы внимание, ну конечно! – сказала я сама себе. – Ты же ничего не замечаешь у себя под носом! И суток не прошло – сообразила, что именно увидела...»

И все-таки, до чего странно! Я еще не видела здесь стекол в окнах. Может быть, в господских покоях есть нечто подобное, но там я не бывала. И окна везде узкие, с выступающими наружу подоконниками – дедушка объяснял, это для того, чтобы пущенная снизу стрела не попала, если тебе вздумается высунуться. А настолько маленькие они ради того, чтобы человек не пролез, если замок станут штурмовать и приставят лестницы. Если окно чуть побольше, то на нем непременно окажутся прочные решетки, намертво вмурованные в каменную кладку, – их я видела, к примеру, в трапезной на первом этаже.

Этот замок был настоящей крепостью, и увиденная мной библиотека... Она словно из другого места!

Но я ведь не могла ее выдумать! Я прекрасно помню большие прямоугольники света на каменном полу, редкие пылинки, кружащиеся в солнечных лучах, блеск начищенного канделябра на полированном столе...

Как ни старалась, я не могла придумать этому объяснения. Правда, спросила у Ины, когда та пришла после ужина и принесла воду для умывания:

– Скажите, а в замке есть библиотека? Хотелось бы почитать перед сном...

– У тебя еще есть на это силы? – фыркнула Делла, но я не обратила на нее внимания.

– Нет, сударыня, – отозвалась горничная. – Вернее, зал остался – он в другом крыле, – но все мало-мальски ценное оттуда вывезли много лет, если не веков, назад, а то, что осталось, сгрызли мыши. Боюсь, книги у нас здесь остались только счетные.

Я вспомнила толстые тома у распорядителя и вздохнула.

Как же так? Неужели мне действительно померещилось? Но это было словно наяву... Может быть, Старая Птица решила пошутить надо мной? И как знать, не видели ли чего-нибудь подобного другие девушки?..

Глава 5

День тянулся за днем, и вскоре я поняла, что Делла права. Какое уж там почитать перед сном: упасть бы и забыться!

У нас болели колени, спины и плечи, а во что превратились руки, лучше даже не описывать. Лисса плакала по вечерам, рассматривая огрубевшие ладони и коротко обрезанные ногти – она так гордилась их длиной, нежным цветом, блеском и совершенной формой.

– Да ведь если после этих пыток они и впрямь решат оценить наши успехи в изящных искусствах и велят... хотя бы сыграть на клавиране, как мы станем это делать? – вскричала она однажды, а я только вздохнула.

В игре на музыкальных инструментах я уступала кузинам, хотя, конечно же, не опозорилась бы и за клавином, и с лантой в руках, но Лисса была права – пальцы утратили былую чувствительность, и теперь ничего не стоило взять не тот аккорд или промахнуться мимо струны. И, наверно, если письма наши действительно отправляли домой, то родные удивлялись изменившемуся почерку...

– Можно подумать, они поставили себе целью изуродовать лучших девушек королевства, а не выбрать из них достойнейшую! – сердито произнесла Делла и шмыгнула носом.

Близилась зима, а лучше топить не стали. Я ошиблась: столь важное дело нам не доверяли, здесь были свои истопники, и им, похоже, приказали беречь дрова. С другой стороны, только на нагрев воды, чтобы отмыть всех девушек после работы, этих самых дров уходило немало, так что бережливость можно было понять.

Ну а таскали воду теперь мы сами. Помню, я едва не надорвалась, попытавшись поднять полное ведро. Что ж, пришлось носить по половинке. Так было дольше, конечно, но если не мешкать, то ничего, не страшно.

Вот на кухню я до сих пор не попадала. Многое пришлось переделать, и далеко не со всем я справлялась так, чтобы не было стыдно, но хотя бы позориться со стряпней не довелось. Впрочем, я знала, что рано или поздно меня не минует это назначение: когда отпустил первый испуг и удивление, я начала следить за остальными и записывать, кто уже побывал на каких работах и как долго ими занимался.

Выходило, поблажек не делали никому: та же принцесса Карадин вчера, к примеру, стирала на речке (я до сих пор вспоминала это с ужасом).

Приходилось, конечно, вычеркивать выбывших, а их становилось все больше и больше, ряды наши заметно поредели. Кто-то уходил тихо – их просто недосчитывались поутру за завтраком, кто-то со скандалом – вчера же одна девушка вдруг разрыдалась посреди двора, швырнула корзину с выстиранным бельем наземь и закричала, что она, наследница знатного рода, не желает терпеть подобное унижение... Конечно же, ее желание мгновенно удовлетворили – мы видели, как отбыла неприметная карета, одна из тех, в которых развозили по домам не прошедших Испытание.

– Может, попросимся домой? – жалобно произнесла Лисса, дую на озябшие пальцы. – Что скажете, девочки? Мы и так очень долго продержались! Скольких уже нет?

Прозвучало это довольно-таки зловеще.

– Почти половины, – ответила я. – Но сама подумай: мы действительно столько терпели, осталось совсем немного!

– Откуда ты знаешь? – нахмурилась Делла.

– Записываю и считаю, я же вам говорила. Все должны испробовать каждую работу, понимаете? У вас вообще осталось по одному назначению, а у меня... – Я не удержалась и досадливо вздохнула: – У меня два.

– Почему так? – не поняла Лисса.

– Чем больше девушек куда-то отправляют, тем меньше времени дают, – пояснила я. – Считают, наверно, что так будет быстрее, но...

– Но кое-что я лучше бы одна сделала, чем кое с какими персонами! – гневно фыркнула Делла.

– Вот именно. Словом... может, еще подождем?

– Ну... пожалуй, – согласилась Лисса, задумалась и тут же оживилась. – О, так выходит, я буду мыть полы! Я еще этого не делала! А Делла... Делла – пыль вытирать, ты с этого начинала, Тесса! Ха-ха, это же совсем легко!

– Да уж, вспоминаю с тоской, – усмехнулась я.

– Раз так, то и впрямь нечего жаловаться, – сказала Делла. – Подождем. Правда, может оказаться, что потом нам придумают занятия похуже, но...

– Куда уж хуже?! – воскликнула Лисса. – От меня до сих пор несет навозом, а ведь уже неделя прошла, и я уже сколько раз вымылась... и платье выстирала!

– Тебе кажется, – невозмутимо ответила та. – Это нервы.

– Дедушка говорит, у служанок не бывает расстройства нервов, – ввернула я, – потому что оно случается исключительно от безделья.

– О, в таком случае выходит, его величество желает удостовериться, что его будущая невеста ничем подобным не страдает, – усмехнулась Делла.

– Вот ведь странно, – сказала вдруг Лисса, накручивая темную прядь на палец. Волосы цеплялись за шершавую кожу, и она недовольно поморщилась.

– Что именно?

– Я же помню тех, которых исключили. Вот была такая Вита-Ранна, ну... чуть повыше меня ростом, с родинкой на щеке, я еще думала, это мушка...

– Ну и?..

– Она всегда очень старалась, – ответила Лисса. – Даже плакала, если чего-то не успевала. И шла доделывать после прогулки или даже после ужина, если могла. Но ее выгнали, а я... Ну, кое-что у меня совсем не получилось, правда! Я ужасно боюсь птиц, а эти мокрые простыни такие тяжелые, а вода просто ледяная!.. Словом, наверняка я очень плохо стирала, но... Я все еще здесь.

– А я не справилась на кухне, – призналась Делла. – Это был сущий кошмар. Все так суетились, что только мешали друг другу, а мне не хватило решимости на них прикрикнуть. Я подумала: вдруг мне только кажется, что я знаю, как лучше, а на самом деле совсем все испорчу? Ну вот... вы помните, что получилось.

– Да, это действительно было ужасно, – вздохнула Лисса, а я кивнула и добавила:

– У меня тоже не задалась стирка. А когда гладили, я прожгла несколько вещей... Утюг неподъемный, а дышать в гладильной просто нечем, голова идет кругом!

– Словом, не понимаю, по какому принципу исключают претенденток, – завершила мысль Лисса. – Тесса? Может, ты сообразишь?

Я покачала головой. Не говорить же им о том, что решение принимает Старая Птица! Кузины меня на смех поднимут, припомнят все мои детские выдумки... Лучше уж промолчать.

– Вероятно, некая система отбора существует, просто мы ее не знаем, – произнесла Делла. – Думаю, смотрят не только на умения претенденток, но и на их поведение, старание и... м-м-м...

– Взаимодействие с другими? – подсказала я.

– Да, пожалуй. Кто-то сразу берется командовать, как Тина-Санна...

Я кивнула – так звали брюнетку в зеленом.

– Кто-то, наоборот, подчиняется, кто-то, может быть, толком ни на что не способен, но подбадривает остальных, а у кого-то, – кузина покосилась на меня, – лучше получается

действовать в одиночку. Все это имеет определенное значение. Может быть, нам выставляют оценки по каждой позиции, а потом считают... право, не могу предположить!

– Очень похоже на правду, – кивнула Лисса. – Сперва уберут склочных, ленивых, вовсе уж безруких и тому подобных, а затем... О, я надеюсь, затем мы сможем проявить себя во всем блеске!

– Конечно, как только отмоемся от навоза, – ядовито улыбнулась Делла, – и приведем себя в порядок.

– О да, с такими руками я не могу показаться на люди! Согласись, Тесса, это ужасно выглядит?

– У меня еще хуже, – показала я свою руку. Недавно я исцарапалась в кровь, и ранки еще не зажили. – А у Деллы губы потрескались и нос обветрился.

– В любом случае, – заключила та, быстро ощупав его, – раз решили, будем ждать. Даже интересно, что с нами будет дальше...

В этом я была с ней совершенно согласна, вот только очень хотелось домой.

Уже скоро зимние праздники, а мы, похоже, не увидим родных, не получим подарков, не подарим их сами и не сможем повеселиться как следует в самую длинную ночь года... Ну, если нам не накроют столы в трапезной и не велят половине девушек приколоть к груди зеленую ленточку и танцевать за кавалеров. А если поровну поделиться не удастся – ведь до той поры непременно исключат еще кого-нибудь – что ж, кому-то придется меняться ролями. Это могло бы быть даже весело (если у нас не случалось гостей, мы с кузинами развлекались именно так и танцевали друг с другом), но только не в такой мрачной обстановке!

* * *

Наутро меня и еще двух девушек ждали конюшни. Они здесь были небольшими: в одной содержались верховые кони для господ и гонцов, в другой – упряжные, в третью ставили лошадей гостей. Разумно, в общем-то: мало ли, какую заразу могут завезти путники, особенно если у них наемные экипажи...

Я полагала, что вдвоем будет проще выгребать навоз: ведь если браться за ручку ведра вдвоем, оно не кажется таким тяжелым! Двое носят, третья выгребает, потом меняемся... Увы, меня не стали слушать. Тина-Санна – мне не повезло угодить в ее компанию – фыркнула и заявила, что и в одиночку справится, но если мы с Ода-Леттой на это не способны, то вполне можем работать вместе, а она потом придет и поможет. Летта – она была довольно бойкой, но рядом с Санной не тушевалась разве что принцесса Карадин – взглянула на меня, виновато улыбнулась и ушла к средней конюшне, а я отправилась к крайней слева.

Лошадей, к счастью, заранее вывели конюхи – наверно, выпустили в загоны, – иначе не представляю, как бы мы справлялись. Я умею ездить верхом, но одно дело – сесть в седло хорошо выезженной, послушной лошади, когда тебя подсаживает слуга и рядом всегда есть кто-то, готовый прийти на помощь, и совсем другое – справиться с каким-нибудь тяжеловозом со скверным нравом! Я видела этих коней – у них копыта больше моей головы, наступит нечаянно – можно прощаться с ногой. А если такой играючи мотнет мордой, когда я попытаюсь надеть уздечку, я же просто улечу!

Говорят, лошади хорошо чувствуют страх и неуверенность, потому их нам и не доверили. Или, вернее, побоялись, что они нас покалечат, пускай даже не нарочно. Нам-то от этого легче не станет...

К слову, до сих пор в замке никто не пострадал, хотя я очень этого опасалась. Запросто можно было поскользнуться на мокрых ступенях, обвариться кипятком из котла, уронить на себя горячий утюг, свалиться в колодец или реку... Но нет, все обходилось ушибами и ссади-

нами. Не иначе, Старая Птица ворожила: вряд ли бы ей понравилось, если бы в гнезде кто-то погиб глупой и нелепой смертью!

Такие мысли помогали хоть немного отрешиться от непередаваемого аромата навоза. Теперь я понимала Лиссу... Мойся не мойся, а мерещиться этот запах будет еще долго. «Но ничего, – утешала я себя, – навоз не самое страшное. У тебя впереди еще кухня».

Хорошо, что там не будет Тина-Санни: она уже попотчевала нас отменным обедом – все встали из-за стола голодными. Спасибо, завтрак и ужин были нормальными, иначе мы поумирали бы от истощения – почти ни у кого не получалась хоть сколько-нибудь съедобная стряпня. Наверно, если бы кухонная работа была постоянной, девушки приспособились бы, поняли, как готовить правильно, но много ли освоишь за два-три дня? Да еще постоянно ругаясь друг с другом – каждая ведь знала или думала, что знает, как будет лучше! Ну, это если не находилось командира вроде Тина-Санни, бравшего всю ответственность (и неизбежный позор) на себя...

Я вынесла еще несколько ведер – тоже таскала по половинке, как и воду, подышала свежим морозным воздухом и снова взялась за вилы. Вот ведь!.. Конь – благородное животное, а навоза от него не меньше, чем от какой-нибудь скучной коровы!

Дверь за спиной открылась и закрылась, процокали по каменному полу лошадиные копыта, и я сказала, не разгибаясь:

– Рано еще, я не...

– Ты меня подкарауливаешь, что ли? – весело ответил знакомый голос, и я все-таки выпрямилась и обернулась.

Это был Грифон, совершенно такой же, каким я его запомнила с той самой встречи в библиотеке. Разве что одет он был иначе, для выезда, и только герб на плече сиял по-прежнему даже и в полумраке конюшни.

Под уздцы он держал рослого рыжего коня – тот все норовил ухватить хозяина за ухо, а Грифон отталкивал его морду ладонью. Видно было, что игра привычна, и оба получают от нее большое удовольствие.

– Вовсе я не подкарауливала, – сказала я, невольно позавидовав им: носились на вольном воздухе в свое удовольствие, а теперь станут отдыхать.

И все же хорошо, что Грифона не заперли. Вот только почему выпустили днем, когда его может увидеть кто угодно? Вряд ли он сбежал, ведь за конюшней хорошо смотрят, так как же...

– А почему ты постоянно попадаешься на моем пути? – живо спросил он.

– Просто совпадение. Сударь, я не знаю, где конюх, и...

– Не нужно мне конюха, – поднял он руку. – Этот мерзавец только меня и признает, так что будь любезна, дай дорогу. Я сам им займусь.

– Только вас? – удивилась я, посторонилась и оперлась на вилы. – А если... ну... Мало ли что может случиться...

– Есть, конечно, кое-кто, кого Луч к себе подпускает, пускай и после долгих уговоров. Но пока я держусь на ногах, предпочитаю сам заниматься своим другом, – серьезно ответил Грифон и дернул рыжего за длинную челку. Тот в ответ схватил его зубами за рукав, пожевал и выпустил с довольным видом. – А ты, я вижу, держишься? Я так и думал, что ты не сдашься! Где это видано, чтобы отмеченные солнцем страшились трудностей?

– Мои кузины тоже не сдались, – сказала я. – Младшая, правда, предлагала попроситься домой, но потом согласилась потерпеть – немного осталось.

– Почему ты так решила? – Грифон замер с седлом в руках.

Я объяснила, как пришла к таким выводам, и он кивнул.

– Верно, со смирением вам скоро предстоит распрощаться.

– Даже не хочу предполагать, с чем нам придется поздороваться! – не выдержала я и поддела вилами клок грязной подстилки.

– С разумом, – ответил он. – Что так смотришь? Ты им вроде бы не обделена, поэтому бояться нечего.

– Но что это означает, сударь? Какие-то... загадки, задачи?

– Всегда разное, – уклончиво сказал Грифон, достав откуда-то скребницу. Я не увидела, откуда: то ли из одной ему известной ниши в стене, то ли с притолоки – с его ростом даже тянуться не нужно было. – Разум и есть разум. Не чувства. Это все, что я могу тебе сказать, и вовсе не потому, что не желаю, а просто... – Он развел руками и едва увернулся от очередной лошадиной атаки. – Невозможно предугадать, как решит испытать вас Старая Птица на этом этапе.

– Втором? – зачем-то уточнила я.

– Да. Я был прав, видишь?

– В смысле?

– Я сказал, что этапы могут подразделяться на несколько других, помельче. Ваш жених не хочет терять времени понапрасну, – пояснил он. – Что ж, могу его понять, хотя...

– Вы заставили бы девушек пройти полное Испытание? – спросила я.

– Я бы вообще не стал его назначать, – ответил Грифон. – Это же не обязанность, а право. Как бы объяснить... Если тебе нужно жениться во благо короны, кандидатур кругом хоть отбавляй, но сердце не лежит ни к одной, тогда Испытание становится наилучшим выходом. Оно покажет наверняка, какая из девушек станет достойной супругой, верным другом и надежной опорой. Заметь, – добавил он, – о любви речи не идет.

– Как и обычно в браках высокопоставленных особ, – пожала я плечами. Нашел чем удивить!

– Но если ты уже выбрал, то Испытание ни к чему, – закончил Грифон.

– А вдруг избранница не прошла бы его?

– Вот поэтому и не нужно проверять, – ответил он и нахмурился. – Или – или, Гара-Тесса. Или ты веришь себе – и неважно, из любви ты предпочел эту девушку или по расчету, – или Испытанию. Третьего не дано. Конечно, любовь может развеяться без следа, расчет оказаться неверным, а Испытание – не ошибается, но... – Грифон вздохнул. – Решать опять-таки тебе.

– Интересно, существует ли Испытание для мужчин? – вслух подумала я, и он засмеялся. Луч ответил ему коротким ржанием.

– Ему без разницы, юбку ты носишь или штаны!

– Вот на это бы я посмотрела, – мечтательно произнесла я. – Интересно, что в него входит? Должно быть, умение ездить верхом? Сражаться?

– Чистить навоз тоже бы заставили, – усмехнулся Грифон и, обняв коня за шею, посмотрел на меня. – И заниматься многими другими унижительными для мужчины делами. Те, кто способен лишь красиво держаться в седле и недурно владеть мечом, вряд ли прошли бы даже первый этап.

– А вы? – не удержалась я.

– Намекаешь на то, что я мог бы по-рыцарски забрать у тебя вилы и закончить работу? Нет, Гара-Тесса, прости – не могу. Не потому, что не умею, просто не имею права. Да и ты мне спасибо за помощь не скажешь: вряд ли тебе хочется отправиться домой, когда уже так много осталось позади...

– Я вовсе не это имела в виду, сударь, – сердито ответила я и принялась за дело. Не то опять заговорюсь с ним, а держать конюшню пустой до ночи никто не станет!

– Не сердись, – попросил он и снова принялся орудовать скребницей. – Расскажи лучше, какое задание оказалось самым сложным?

– Сложно решить... – Я вздохнула. – Каждый раз думаешь: о нет, ничего хуже и быть не может, но... Знаете, стирать на реке было просто ужасно. Я упустила простыню, пришлось бежать за ней по берегу и вылавливать из воды – она зацепилась за куст. Как я не переломала

ноги на камнях, ума не приложу! И хорошо еще, что течение не быстрое, иначе я бы ее не догнала...

– Да, летом речка мелеет, – кивнул он, а я вздрогнула. Уже зима на дворе!

– Весной она, должно быть, бурно разливается? – осторожно спросила я, напомнив себе, что Грифон живет не в реальном мире, а в своем, вымышленном. И даже если он только что был снаружи и ездил верхом, глядя на унылые голые деревья, ничто не мешало ему воображать зеленые кроны, ясное синее небо над ними и жаркое солнце в зените.

– Да, тогда к ней даже мужчинам подходить опасно, – кивнул он. – Я, пожалуй, еще рискну отправиться на другой берег, но кому-то другому не посоветую. Да и зимой... Затянет в полынью – не найдут, бывало такое. Коварная речка.

– Вот как... – Я кашлянула и продолжила: – Нынешнее мое занятие вы сами видите. И ощущаете... ароматы.

– Подумаешь, – сказал Грифон. – Доводилось мне обонять кое-что похуже.

– Колоть дрова мне тоже не понравилось. Топор все время завязал в колоде – не могу ударить как следует, даже и с хорошим замахом. Я видела, как работают дровосеки, – пояснила я, когда он недоуменно взглянул на меня.

– Верно, Гаррат ведь расположен в лесной глуши! И как это я позабыл?

– А бить поленом оземь, чтобы высвободить топор, тоже я не могла, – продолжила я, не обратив внимания на его насмешку, – оно слишком тяжелое, сил не хватает. Но я придумала, как быть: ударяла другим поленом по обуху, пока первое не раскалывалось. Но это было ужасно долго...

– И все же ты сумела это сделать, – без улыбки ответил он.

– Да, но... Я думала: если бы это было не Испытание, а мне нужно было бы поскорее наколоть дров, чтобы согреть... не знаю, больных или раненых? Детей и стариков? Пока бы я возилась, они успели бы замерзнуть насмерть!

– Зато ты сама согрелась, – сказал он, и я от неожиданности со скрежетом провезла вилами по каменному полу.

– Это вовсе не смешно, сударь!

– Разве я смеюсь?

Я помолчала. Спорить с ним не хотелось – все-таки человек не в себе, мало ли что взбредет ему в голову? Но и молчать не годилось: он явно ждал продолжения.

– Из самого ужасного осталась стряпня, – сказала я наконец.

– Неужели ты не умеешь готовить? – Грифон поднырнул под лошадиной шеей и оказался вплотную ко мне.

– Я... ну... – Я отвела взгляд, потом созналась: – Не умею. То есть... Конечно же, я знаю рецепты и могу проследить, чтобы все делалось как положено! Матушка говорила, это важно, иначе всякая служанка сможет обмануть... Но самой мне никогда не приходилось готовить ничего сложного, я только наблюдала!

Я поняла, что оправдываюсь невесть за что, и умолкла.

– Дай угадаю, – сказал Грифон и улыбнулся. – Ты опасаясь накормить товарок чем-нибудь похуже того, что состряпали они сами?

– Именно так, сударь. Откуда мне знать, как готовить обед на два десятка человек? Как все это делать? Я видела, как потрошат птицу, но сама... не знаю, смогу ли повторить. – Тут я вспомнила сиротливую когтистую лапку в своей тарелке и невольно улыбнулась. – Словом, будет очень обидно опозориться. Я и так-то не блистала, но хотя бы никто не видел, как я мучилась с дровами... или вот теперь...

– Ладно, – помолчав, произнес Грифон, оглянулся и подался ближе ко мне. – Послушай-ка...

Странное дело, от него пахло не только лошадиным потом и (что уж скрывать) его собственным, кожей и металлом, но еще и разогретым солнцем летним лугом, словно он долго лежал в траве... Какой-то невзрачный цветок запутался в волосах, а к воротнику прицепился репей. Конь тоже заметил его и с аппетитом сжевал.

– В чем дело, сударь? – Мне хотелось попятиться, но было некуда.

– Открою тебе страшную тайну, – прошептал он. – Мне доводилось стряпать в походе на весь отряд.

– Ужасно, – сказала я. – Это и есть ваша тайна?

– Да нет же! Кто об этом не знает... Я про другое. Слушай внимательно и запоминай: прежде всего налей в котел воды и разведи огонь, а потом...

Я выслушала его, потом спросила недоверчиво:

– Что, и это все?

– А ты чего хотела? Колдовскую ложку, которая сама собой намешает обед на сотню персон?

– Нет-нет, сударь, я вовсе не это имела в виду, – поспешила я сказать, видя его недовольствие. – Но звучит так просто, а на деле...

– А на деле – просто ничего не перепутай, и тогда, по меньшей мере, никого не отравишь, – сказал Грифон, снова придя в хорошее настроение, ухмыльнулся и добавил: – И не забудь курам лапы отрубить.

– Могли бы не напоминать, – обиделась я.

Хм, странно, я ведь не говорила о том случае вслух. Или говорила?

– Скажи спасибо, что вам их не живыми приносят.

– Спасибо! – искренне ответила я и содрогнулась, представив, каково это – рубить курице голову.

Он похлопал коня по блестящей спине и сказал:

– Не стой без дела. Я скоро закончу и перестану тебя отвлекать, но все же поторопись...

Я молча кивнула, подхватила ведро и понесла к выходу, а когда вернулась, в конюшне не было ни Грифона, ни его коня. Наверно, он счел, что денники вычищены скверно и нечего его красавцу здесь делать, а может, решил, что я стану раздражать Луча своей возней, вот и увел его прочь. И сбрую захватил, во всяком случае, я ее не увидела.

Но это меня не волновало, я повторяла про себя порядок действий, чтобы не забыть, и искренне надеялась, что товарищи Грифона – если он их не выдумал – сказали ему спасибо за ужин не из одной лишь вежливости.

На полу я нашла соцветие клевера и спрятала на удачу. Откуда оно взялось, совсем свежее, в начале зимы?..

Глава 6

По моим расчетам выходило, что следующее задание я стану делить с тремя товарками, но последние несколько дней изрядно проредили ряды королевских невест, и...

Мы с принцессой Карадин (к этому времени не оставалось уже никаких сомнений в ее происхождении) очутились вдвоем против чудовищной махины замковой кухни.

Признаюсь, я не осмеливалась первой заговорить с этой девушкой, потому просто рассматривала утварь и большой очаг, в котором, наверно, можно зажарить целого быка – вертел имелся.

– Время идет, – сказала она. – Нужно начинать готовить, если мы хотим подать к обеду... хоть что-нибудь. К слову, ваше имя – Гара-Тесса, верно?

– Да, госпожа, – кивнула я, подивившись: мы с принцессой еще не сталкивались на заданиях, а она все же как-то узнала мое имя и запомнила его! Впрочем, если я вела списки и вычеркивала выбывших, что мешало ей и кому угодно другому делать то же самое?

– Кара-Идда, – поправила она. – А лучше просто – Идда. Вы не возражаете, я надеюсь?

– Ни в коем случае, – ответила я, вовремя проглотив «госпожу». – Тогда я – просто Тесса.

Впрочем, все мы здесь в равном положении, поэтому она права – неуместно любезничать. Но и фамильярничать ни к чему.

– Вы, случайно, не знаете, с чего начать? – задумчиво произнесла она, глядя на гору битой птицы, на мешки с крупами и груды овощей.

О, как мне хотелось сказать «не знаю» и предоставить ей решать, как именно мы станем готовить обед для оставшихся сестер по Испытанию!

Но... «Давай же!» – шепнул мне на ухо воображаемый Грифон, и я в кои-то веки пересилила себя и сказала:

– В общих чертах знаю... Идда.

– Тогда командуйте, – просто сказала принцесса, и я снова лишилась дара речи. – Что с вами, Тесса? Я, честно признаюсь, до вполне сознательного возраста полагала, будто булки растут на деревьях, а вот это все оставалось чем-то из области тайны. Повара творили что-то на кухне, но меня туда не пускали...

– Но я никогда этого не делала!

– Всегда бывает первый раз, – улыбнулась она. – Если вы имеете хоть какое-то представление о стряпне, то вам и половник в руки! И пускай он послужит не хуже маршальского жезла!

Я невольно засмеялась, представив себя на парадном портрете с поварешкой в руках, и сказала, повторяя слова Грифона:

– Прежде всего нужно развести огонь и налить в котел воды... Ой, нет, не так. Сперва выпотрошим кур! Все выбрасывать не нужно, но придется повозиться...

Грифон сказал: мясо с костей проще обдирать, когда оно сварится. Если готовить похлебку не из оленины, а из дичи, то это проще простого. Еще он добавил: бросай в котел все, что понравится, только с солью и приправами не переборщи. Мне ничего другого не оставалось, как последовать его рецепту.

Пока варились злосчастные куры (потрошить их – сушая мука, даже и с острым ножом!), мы с принцессой перебирали крупу – в ней попадался не только мусор, но и камушки. Потом чистили и резали овощи (и пальцы заодно), разбирали выловленную из котла птицу, добавляли «что понравится» – то нарезанную копченую грудинку, то какую-нибудь специю... Времени присесть не было.

– Не представляю, как повара справляются со сложными блюдами, – покачала головой Идда и бросила кость в корзину под столом. – У них должно быть две дюжины рук и по меньшей мере три головы, чтобы помнить обо всех мелочах и все успевать...

– Наверно, это дело привычки, – сказала я, попробовав похлебку на соль. – Те, кто первый раз берет в руки перо, тоже говорят, будто совладать с ним сложнее, чем с плугом. Я учила писать свою кормилицу – она из деревни родом, буквы знала, но и только. Она мучилась с прописями так же, как мы с вами – с этим котлом!

– Вот бы позвать ее на подмогу, – мечтательно протянула Идда и засмеялась, и я с ней заодно. – Дайте попробовать, Тесса...

Я протянула ей ложку на длинной ручке.

– Хм-м-м... Это, конечно, не то блюдо, которое можно подать на стол его величества, но им, по меньшей мере, никто не отравится, – заключила она. – Но соли, на мой вкус, мало.

– Лучше недосолить, чем пересолить, – ответила я.

– И то верно, – согласилась Идда и убрала под косынку выбившуюся белокурую прядь. – Но где вы выучились подобному, Тесса?

– Я вовсе этому не училась, – начала я и тут же сообразила, что сказать: – Просто отец с братьями часто ездят на охоту, пропадают на несколько дней, а потом рассказывают, как славно провели время. Они ведь не берут с собой повара, поэтому готовят сами, на костре, из того, что удалось добыть, вот я и подумала, что их способ нам подойдет! Жарить кабана я бы не взялась, а вот эта похлебка...

– Я сейчас попробую так, что остальным не останется, – весело произнесла Идда и снова потянулась ложкой в котел.

– Имейте совесть, сударыня, не то я стукну вас половником! – расхрабрилась я.

– Дожили, принцессу быют поварешкой, – пожаловалась она, но все-таки выхватила из котла кусочек курятины.

– Можно спросить?

– Конечно.

– Почему вы решили пройти Испытание вместе со всеми? Или это не вы, а ваши родители велели вам...

– Нет, я сама, – не дала мне договорить Идда. – И, признаюсь, не столько ради блестящего замужества, сколько из любопытства.

– Как так? – не поняла я.

– Очень просто. Полагаю, его величество не горит желанием взять меня в жены, иначе давно сделал бы это, – произнесла она. – Я знаю, мой отец имел беседу с покойным королем... Правда, они ни до чего не договорились. Ну а его величество я знаю с раннего детства, а он, соответственно, меня. И прекрасно осведомлен о том, что я собой представляю... Повторюсь, это взаимно.

– Не вполне понимаю... Я не думала, что его величество настолько молод!

– Вы хотели сказать: не предполагали, что я не настолько юна, насколько выгляжу? – улыбнулась Идда.

Я присмотрелась: конечно, принцесса была старше меня (я сама недавно стала совершеннолетней) и даже Деллы, но насколько именно, сказать сложно.

– Я младше его величества почти на семь лет, – пришла она мне на помощь. – Ну а поскольку моя матушка часто бывала при дворе, а я вместе с нею, то, повторюсь, мы знакомы с раннего детства.

Действительно, Идда ведь родственница короля, пускай и очень дальняя. Нет ничего удивительного в том, что она хорошо знает его.

– А почему вы сказали о любопытстве? – спросила я.

– Потому что я хотела узнать, как проводится Королевское Испытание.

– Неужели оно нигде не описано?

– В том-то и дело, Тесса, что нет, – покачала головой Идда. – Только внешняя его часть: решив избрать невесту... Как я понимаю, это делается в том случае, когда равнозначных кан-

дидатур слишком много, а жених не настолько искушен в политике, чтобы выбрать наилучшую. И слишком опасается прислушаться к мнению советников – они ведь станут продвигать своих протеже... Словом, браки, заключенные после Испытания – в том случае, если хоть кто-то преодолевал его, – всегда оказывались на редкость удачными. Но...

– Постойте, – перебила я. – Что значит: хоть кто-то преодолевал... Разве в конце не должна остаться только одна?

– Нет, – без тени улыбки сказала принцесса. – Мне удалось выяснить, что в прошлом веке Испытание прервалось задолго до ожидаемого окончания: часть девушек сами покинули замок, а оставшиеся выбывали десятками. В самом конце осталось шестеро, и ни одна из них не была сочтена достойной.

– Но кто их оценивает? Кто решает, которой суждено стать королевой?

– Вот этого-то я и не знаю, – вздохнула она. – Разумеется, при дворе ходят разные слухи... Представьте, на нас даже ставки делают, будто мы лошади на скачках! Но при этом никто не может или не желает сказать, каким же образом принимается решение.

– Идда, а вы пробовали искать тех, кто участвовал в Испытании в прошлом? – вспомнила я свою мысль.

– Представьте себе, пробовала! Далеко ходить не нужно: сестра моей родной бабушки в свое время побывала в этом замке, но... – принцесса развела руками, – ничего не смогла мне поведать. И дело вовсе не в старческой забывчивости – она еще весьма бодра, а остроте ее ума позавидует иная молоденькая девица, – просто... Мне показалось, она не может этого сделать. Она начинает говорить о том, как собиралась на Испытание, как волновалась, а потом вдруг сразу переходит к возвращению домой. По всему выходит, продержалась она довольно долго, но нельзя добиться ни слова о том, что с ней происходило!

– Вероятно, с тех, кто покидает это место, берут клятву... может быть, даже колдовскую? – предположила я. – Чтобы они не сумели рассказать обо всем этом... Ведь родителей не предупреждают о том, что нам предстоит? Многие были бы весьма недовольны, услышав, что их дочерям придется стирать и убирать навоз! Пускай даже главный приз этого состязания – рука его величества, для некоторых даже он не стоит подобного унижения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.